

Sigita J. Welsh

Потерянный
мир

Sigita J. Welsh

Потерянный мир. Книга Первая

«Автор»

2026

J. Welsh S.

Потерянный мир. Книга Первая / S. J. Welsh — «Автор», 2026

Их десять. Больше на земле не осталось. Каждый носит в крови ремесло, а в кармане — вещь, меняющую суть. Они остаток. Отбросы двух миров. Пока они идут навстречу друг другу, в мёртвой стране их уже считают: десять силуэтов в камне. Десять шестов у башни. Дверь домой можно открыть только вместе. Или не открыть никогда. Она ждёт. Малумы тоже. Эпическое фэнтези в двух книгах. Сага в которой ищут мир, а находят себя.

© J. Welsh S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предисловие	6
Жёлтая бабочка Итиро и духи вещей.	7
Ферма Гутторсменов и те, кто обитают во фьордах	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Потерянный мир. Книга Первая

Глава

Предисловие

Отрывок из Визидарского Сказания о Чёрных временах

...и белый день стал чёрным. Чернота эта падала с неба на лучших и пожирала их. Оставалась от визидарцев лишь пыль на камнях. На камнях, которые ожили и защитили. Ибо нет смерти для благородных, нет бесчестия для чистых душой, как нет забвения для Прославленных.

Прославленных, которые когда-нибудь вернутся, чтобы рассеять мглу...

Глава первая

Жёлтая бабочка Итиро и духи вещей.

...С тёмного неба лило. Вода гулко стучала по деревянному настилу, скапливаясь в выбоинках и размывая песчаные гребни маленького сада камней во внутреннем дворе дома достопочтимого господина Кудо Таисуке.

Итиро, замотавшись в одеяло, старался не двигаться, не слушать, не дышать. Он боялся темноты, но такая вот дождливая ночь, полная шорохов, делала его жизнь одним слипшимся кошмаром. Всё сильнее и тошнотворнее пахло мокрой землёй и горячим металлом. Итиро не понимал, откуда знал этот запах - запах его страха. Но от него начинали ныть шрамы. Которых у него никогда не было. Да и какие боевые шрамы у обычного подростка из тихой деревушки?

«Я сумасшедший, - привычно подытожил Итиро ощущения, - сумасшедший и трус». Он откинул одеяло и вперился в оконце.

Его мысли опять заглушили ночные звуки. Они были разные. Одни - как ногти, скребущие по шёлку. Другие - как волосы, что кто-то медленно расчёсывает в темноте. Третьи - почти человеческие шаги, но с паузами между ними чуть длиннее, чем нужно живому. И почти неразборчивый шёпот, что исходил, казалось, от самой темноты. Шёпот, от которого, стыли жилы.

Дождь падал не сверху вниз, а будто изнутри ночи наружу - как хлещет кровь из вывернутой раны. Каждая капля оставляла на стекле медленно расплзающийся иероглиф, что Итиро не мог прочесть, но которого противно ныли зубы. Он откуда-то знал: если собрать все эти знаки за ночь - получится приглашение. Или приговор.

Итиро больше не мог выдержать какофонии ужаса и, вскочив, стал одеваться. Он решил навестить супитцу - уж им то сейчас, наверняка, было страшнее.

Стараясь как можно тише откатить ставню, Итиро выскользнул из дома. Он сунул тощие ноги в сандалии и, вжимая голову в кимоно, побежал к пристройке, откуда раздавались возня и ворчание - супитцу не спали.

Парнишка юркнул в тёмное помещение, затворил хлипкую дверь и, нащупав, щёлкнул тумблером выключателя. Круг лампочки осветил корзинки и подстилки, на которых устроились пушистые комочки всех кофейных оттенков. Как только стало светло, комочки ожили и, замахав хвостами, побежали навстречу хозяину.

Лишь четверо из них были взрослыми, остальные, штук двенадцать, – щенки. Парень осмотрел малышей, и стал подкармливать тех, кто, по его разумению, в этом нуждался. После Итиро достал щёточку, и щенки вокруг запрыгали - каждый хотел, чтобы ему расчесали шерсть. А парня эти хлопоты отвлекали и успокаивали.

Во дворе, перекрывая шум дождя, решительно взвизгнула ставня. В ночь высунулась лысая голова Таисуке и грозно зарычала:

- Ты где?!

Итиро напрягся. Дед всегда говорил так, словно махал катаной: врасплох, коротко, отрывисто. Попробуй не ответить.

- Я в сарае, дедушка, - прочистив горло, как можно увереннее, прокричал Итиро, - ложись без меня. Я покормлю супитцу и вернусь.

Ответа не последовало, но парень услышал, как дед закрыл дверь в дом плотнее. Итиро расслабился - теперь здесь можно было посидеть подольше.

Сегодня ему исполнилось восемнадцать. И можно было надеяться, что выпитое дедом по этому случаю за ужином саке, подействует не хуже снотворного.

Итиро оглядел лежанки, где сытые, обласканные супицу сбились в кучки и приготовились ко сну. Лампочка на сквозняке качнулась, осветив стены комнатухи, что когда-то принад-

лежала бабушке Минами. Именно она первой принялась разводить милых щенков, в тщетной попытке скопить внуку деньги на учёбу. Которой уже никогда не будет.

А тогда, давно, у Минами дело пошло. Да так бойко! За славными супитцу приезжали из самого Токио. И не мудрено! Ни у кого в Японии не было таких собак, на них глядели, как на диковинку. И где их достала бабушка?

Итиро помогал ей выхаживать слабеньких, от которых достопочтимая Минами порой не отходила сутки напролёт. Тогда мальчик ложился прямо здесь, на соломенных циновках подле бабушки и слушал её долгие истории.

Иногда рассказы были страшными – как погибли в море его родители, но чаще – чудные.

Бабушка, глядя Итиро по длинным прядям смоляных волос, рассказывала, что она – ёкай, из рода волшебников, и когда-нибудь совершит далёкое путешествие на удивительную родину, полную чудес. Но где эта родина, она и сама не знала. Только повторяла: «Придёт время, солнышко, надо только подождать». А ещё она говорила, что когда умрёт, то станет жёлтой бабочкой с чёрным рисунком на крыльях и обязательно прилетит к Итиро, чтобы их с дедом оберегать.

То, что смерть Кудо Минами случится так скоро, Итиро тогда не мог и предположить.

Но однажды, страшным утром, они с дедом обнаружили тело бабушки на настиле у дома. Минами лежала бледная, напуганная. Ночью выпал лёгкий снег, спрятавший грязь. По двору от калитки к настилу вели босые бабушкины следы. Видно было, что она заплеталась, падала, но стремилась к дому.

Дошла и свалилась перед дверью. Распластала руки, словно раненый лебедь. Её белая кожа вся была в тёмных пятнах – отпечатках от зубов. Но ни врачи, ни Итиро с дедом так и не поняли, что случилось с Минами. Женщина ничего не говорила. Лишь иногда с трудом открывала глаза, протягивала слабую руку к внуку и плакала.

Ночью бабушки не стало.

На вторые сутки после случившегося, дед с Итиро тихо развеяли её пепел в их крошечном саду. И Кудо Таисукэ с удвоенной силой стал за ним ухаживать, как будто его любимая жена переселилась в камни под горной сосной.

Так Итиро и жил с дедом. Но с того момента строгий Таисукэ пресекал любые разговоры о странной смерти жены, хотя всегда любил её больше жизни. Он только стал заботиться о внуке пуще прежнего, никуда его не отпускал одного, каждый день провожал и встречал из школы. И заставлял Итиро тренироваться с дзё и катаной, которых парень старательно избегал – эти жестокие забавы были ему неинтересны. А дед сердился, психовал.

...Маленькое окно задребезжало. Что-то в него заколотилось, заскреблось – резко, требовательно. Итиро вздрогнул и, аккуратно спустив с колен щенка, подошёл посмотреть.

В стекло билась жёлтая бабочка. С траурным рисунком на крылышках. Ночью. Под ливнем. Сердце Итиро замерло. Пальцы задрожали, когда он отворил щель. Бабочка влетела мгновенно, точно была внутри уже тысячу раз.

Мотылёк подлетел к парню, покружил над его протянутой рукой и поднялся выше. Он впорхнул в темноту, куда не доставал круг света. Итиро схватил фонарь и направил его на потолок.

Он сразу её увидел. В углу. От фонаря тень бабочки причудливо выросла и чем-то напомнила профиль бабушки. Или Итиро так почудилось.

Его сердце колотилось так, словно это и правда бабушка сидела там, на потолке, и внимательно смотрела на него. Приглядевшись, парень заметил, что бабочка села на маленькую жестяную щеколду. Раньше он точно её не видел. Это определённо был люк. На чердак.

Итиро выглянул во двор, убедился, что дед потушил в доме фонари. Тогда парень, стараясь не думать о липкой темноте, аккуратно взял лестницу из дровницы, втащил её в сарай, и

легко открыл крышку на потолке. Бабочка залетела туда. Итиро подтянулся и, секунду поколебавшись, нырнул за ней.

На чердачке его вновь оглушил дождь, черепица усилила и размножила шорохи. Тут голоса ночи звучали отчётливее и страшнее.

В узком пространстве не разогнёшься. Везде паутина. А дальше темень. Итиро пришлось спуститься вниз за фонарём. Подсветив себе, парень с досадой обнаружил, что на чердаке почти ничего нет. Лишь чемоданчик и небольшой сундук.

Первым Итиро решил исследовать чемодан. В нём оказалась аккуратно сложенная женская одежда. Поверху - бабушкина фотокарточка. На ней молоденькая черноокая Минами, хохоча, стеснительно прятала лицо в ладони. На фотокарточке проступали еле заметные на ощупь прожилки, словно она была отпечатанной на листке растения.

Всё время, пока Итиро разглядывал снимок, желтая бабочка сидела на сундучке. Её крылья подрагивали. Она ждала.

Наконец, Итиро подполз к сундучку. Бабочка вспорхнула и села парню на голову. А он смахнул с сундука пыль, щёлкнул застёжками и открыл крышку.

Наверху лежал пучок трав, перевязанных лентой. Итиро поднёс его к носу и втянул воздух. Пучок пах бабушкой. Этими травами она полоскала свои густые волосы. Итиро вздохнул. Дальше обнаружилась разрисованная ученическая тетрадь. Парень пролистал её – она была заполнена ровными иероглифами бабушкиного почерка. Каждая страница начиналась с даты. Это был дневник Минами. Под тетрадью лежала стопка писем. Их было шестнадцать. И все они пришли из неизвестного Итиро места в Норвегии. На дне сундучка обнаружился свёрток: что-то обёрнутое плотной льняной тканью, и туго перетянутое верёвочкой. Итиро понюхал и свёрток. Станный запах. Густой, непривычный. Фонарик замигал и погас.

Парень подполз поближе к свету, бьющему снизу, размотал узелки, аккуратно развернул находку и, вскрикнув, тут же выронил её из рук. Вот этого уж он никак не ожидал увидеть!

В полотнище оказалась завернута отрезанная ступня. Высохшая, но настоящая.

Ступня упала вниз, на пол сарая. Щенки, окружив, обнюхивали её.

Итиро быстро спустился, прихватив сундучок с содержимым. Он забрал ногу у супицу, но те и сами, заскулив, разбежались по углам. И, ошетилившись, придушенно, захлёбываясь, подвывали, не сводя глаз со ступни.

Нога была похожа на человеческую, но всё же в ней присутствовало что-то необычное. Острые изумрудные загнутые ногти на волосатых пальцах, больше походили на когти. Истончённая, пергаментная, кожа, была тёмно-коричневой с зеленоватым отливом. И пахла она густым сладковато-гнилостным стоячим болотом.

Чтобы уменьшить вонь, Итиро завернул ступню обратно в тряпицу. Ипододвинул к себе дневник.

Это была истрёпанная тетрадь в кожаном переплёте, украшенная необычным значком: круглая эмблема, напоминавшая колесо с изображением солнца в центре. Но рисунок почти стёрся, и его мелких деталей было не разглядеть.

Итиро стал листать дневник, и одна запись особо привлекла его внимание.

«13 сентября.

Таисуке сильно злится, что я рассказываю Итиро историю нашего рода. Но мальчик должен знать правду. Люди называют нас иными. Мы же зовём себя – визидары. Человек и ёкай одновременно...»

Стоп. Ёкай - это духи. Итиро задумался. Как же он может быть из рода выдуманных созданий? Нет, он помнил, что бабушка всегда это говорила. Но в детстве это слушалось как забавные сказки...

Итиро опустил глаза в дневник:

«Визидары - народ, что зрит сквозь завесу миров, где плоть перетекает в тень, а тень - в шепот ветра. В их венах бурлит двойная кровь: человеческая, густая от соли пота и кровь духов - эфемерная, как дым от сакральных костров.

Люди сторонятся нас, обзывая проклятыми странниками, ибо наша жажда поиска волшебства - это не прихоть, а голод, что грызёт нас изнутри. Мы тянемся к заклинаниям, как слепые к свету, и в наших глазах отражается то, что людскому роду кажется бредом: танец теней за углом, где нет угла, и лица в лужах, что шепчут имена мёртвых.

Мы общаемся с ёкай. Но они тоже не очень хотят с нами знаться и считать за равных.

Духи плюют на нас с высоты эфирных башен, именуя отбросами, что растратили наследие предков на жалкие фокусы с искрами и иллюзиями. "Вы - эхо забытого заклинания, - шипят они, - искра, что угасла, попав в человеческую плоть".

Мы, визидары, - ангелы без перьев и без полёта, обречённые брести по границе: слишком призрачны для земли, слишком грубые для небес. Дефектные сосуды, треснувшие от собственной тяжести, где магия сочится, как яд из раны, отравляя и нас, и тех людей, кто рядом.

Нас было много на Земле, но когда напали малумы, визидаров почти не осталось. Большинство были убиты. Их толы и ауксилы уничтожены. Горстка ослабевших визидаров осталась жить в долине Сиреневых ветров. Они ждут нашего возвращения. Ждут нашей помощи. И мы обязаны вернуться.

Но даже здесь, в человеческом мире, где мы спряталась, нам стоит опасаться малумов. Они - дети Мрака, уничтожающие визидаров. Бойся теней - в них таятся невидимые малумы. Они рыщут, чтобы разорвать на части меня и Итиро...»

Иероглифы предательски запрыгали. Парень отдышался и продолжил чтение:

«...Они напали на Визидарию четыреста лет назад. Это была Ужасная битва. Визидары гибли несчётно. Охотились малумы на лучших, собирали ауксилы без разбора, но особо искали толы.

Тогда старейшины приняли решение спрятать среди людей десять лучших из родов ремесленников с самыми сильными толами. Десять Прославленных кровей. Они дождутся, пока малумы ослабеют, вернуться и возродят Визидарию. И долина Сиреневых ветров станет ещё краше.

А если Визидария погибла, погребённая чёрной силой, то десять Прославленных останутся, чтобы начать всё заново.

Придёт время, когда представители Прославленных родов найдут свои толы и друг друга. Они вернуться в долину, возродят мастерские, смогут противостоять врагу и очистить от него Землю. Каждому из рода Прославленных оставлено знание только об одном собрании. Надо найти свой тол и собраться всем ремесленникам вместе, чтобы...»

Дальше было размыто и Итиро не смог прочитать. Он поднял голову и посмотрел в окно. Там, в темноте, дождь превратился в настоящую бурю. Ветер злобно кидал пригоршни воды в стекло и было слышно, как старая ива стонет у ворот, хлещет по крыше дома, словно просится внутрь.

...Визидары. Ужасная битва. Толы. Ауксилы. Итиро передёрнул плечами. Страх опять накрыл его душным одеялом, но к этому добавилось волнение от открытия. Над Итиро сгрудились образы, восставшие со страниц бабушкиного дневника. Станные, непонятные, туманные.

Итиро жил и не знал, что в мире существуют малумы - какие-то неведомые жуткие твари. Со смерти бабушки он боялся ночей. Этот страх накрыл и усилил предыдущие фобии: мальчиком он страшился змей в лесу, громких раскатов грома, старого продавца корзин на рынке — уж больно тот был злым, с полуприкрытым от корявого шрама, глазом... Бр-р-р... Но не этого

следовало бояться... Сейчас Итиро казалось - это не дождь, а неизвестные малумы пытаются до него добраться, колотятся в стены. Кто они такие? Как выглядят?

Парень перелистнул страницу и продолжил читать дальше.

«Я оставила Итиро ключ от Последних дверей. Когда мы дойдём до них, то сможем вернуться на родину. Мой маленький Итиро - Ключеносец. Это тихая, но самая важная роль».

Парень задумался. Он засунул руку за пазуху и вытащил ключик - золотистый, тяжёлый, покрытый вязью незнакомых букв. Сколько себя помнил, этот ключ на красной верёвочке, болтался у него на шее.

Но что за Последние двери? Где они? В детстве этим ключом он перепробовал открывать всё, что только попадалось под руку. Но необычные бороздки на ножке ключа, изображавшие резную ящерку, не подходили ни к одному замку. Поэтому Итиро давно носил его талисманом - подарком бабушки. Когда Итиро особо боялся, казалось, металлическая ящерица под одеждой шевелит лапками, вцепляясь в кожу. Словно успокаивает.

Парень привычно поцеловал ключик и сунул его обратно под рубаху. Вопросов становилось всё больше, а ответов не было. Итиро снова склонился над дневником.

«1 октября.

Из Прославленных ремесленников я знаю только Стурлу Гутторсмена. Это визидар из рода гномов. Он живёт в Норвегии. Я подала ему весточку. Теперь мы с ним переписываемся и мечтаем, что кто-нибудь из нас обязательно найдёт свой тол и поможет другому.

Тол – самый важный инструмент ремесленника, с помощью него он создаёт ауксилы. Ауксилы - это предметы, наделённые каким либо даром или силой. Они делают жизнь проще, а быт удобнее. Их и создают с помощью толлов ремесленники в своих мастерских. Но сами ауксилы рождать чего-либо нового не могут, чем они и отличаются от толлов.

Ауксилы - просто вещи. Им приходит срок, и они ломаются. А тольы, как говорят, вечны. Их можно уничтожить только особым способом. Мне незнакомым. Но сейчас не до этого. Мне надо найти свой тол. И, мне кажется, что я уже близка к разгадке.

Мой ауксил - мёртвая ступня духа Аширай Яшики. Она спрятана на чердаке...»

Так вот оно что! В сундуке была ступня духа Аширай Яшики! Итиро, взглянув на свёрток, поёжился.

«Мне надо найти вторую - живую, которая бродит по свету. Люди боятся ногу духа Аширай, но я то знаю, что она просто ищет пару. К нам в деревню ступня Яшики не приходила. Говорят, её видели в соседней.

Я сторожусь почти каждое полнолуние – под круглым глазом ночи яснее видно духов. Сажусь в темноте у дороги и жду духа Аширай. Верю, что когда-нибудь смогу его встретить. Ступни духа Аширай Яшики сильные. Они могут ходить по самым жарким углям и воде. Им ничего не страшно.

И когда обе ступни духа соединятся, откроются врата под плоским камнем у подножия вулкана Адзумы-кофудзи. Врата эти находятся у хвоста белого кролика. Он появляется каждую весну на склоне вулкана, указывая мне путь. Я смогу войти туда и забрать свой тол у вулкана...»

Итиро задумчиво почесал нос. Так вот где нужно искать неведомый тол - у потухшего вулкана! А про белого кролика на горе Адзумы-кофудзи знали все в округе. Каждую весну, когда на старом вулкане таял снег, его остатки на северном склоне, в какой-то момент, напоминали очертания большого кролика, поднявшего хвост.

...Следующая запись в дневнике была последней. Она датировалась числом накануне бабушкиной смерти, и взгляд Итиро с волнением побежал по столбцам:

«7 января.

Наконец, скоро всё закончится, и я смогу найти свой тол!

В последнее полнолуние я привычно пошла бродить по округе в надежде встретить дух Аширай Яишки. На всякий случай, положила ступню в сумку и отправилась по полям. Одно поле сменялось другим. Было тихо, пугали только одуревшие от яркой луны лягушки, внезапно выпрыгивавшие из травы под ноги.

Я уже думала повернуть домой, но вдруг на заброшенном поле под Великим Камфорным Деревом увидела кучу. Она чернела в темноте - огромный клубок корней, что двигались, словно дышали. Когда я подошла ближе, куча протянула ко мне руки - жуткие длинные отростки, на концах - не пальцы, а чёрные обломанные когти.

То оказался Доро-та-бо - грустный дух заброшенного рисового поля. Его огромные, мутные глаза без зрачков, были полны слёз. А рот - длинная щель, полная чёрной воды и гниющих зёрен риса, - открывался и закрывался, хватая воздух.

Я сделала от него шаг, чтобы убежать. Но Доро-та-бо судорожно вытянулся ко мне и застонал. Он увяз в старых рыбацких сетях. Да не просто увяз - сети вросли в него. Верёвки, покрытые слизью и тиной, обвивали то, что когда-то было торсом, впились в плоть, превращённую в грязь, и тянули вниз, в чёрную воду канавы. Каждая попытка духа приподняться заканчивалась тем, что сеть рвала его на части - и тут же зарастала новой грязью, новой плотью. Он был одновременно и пойманным, и самой ловушкой.

Доро-та-бо выглядел страшным, я боялась, но вида не показывала. А решилась помочь ему. Протянула палку и с трудом вытащила его из рва. Пока распутывала, от него то и дело отделялись пузыри. Они лопались, источая смрад, от которого к горлу подступала тошнота. Но я терпела зловоние, а Доро-та-бо сразу узнал во мне визидара, ибо только они могут разговаривать с духами. Он спросил, что я здесь делаю. Я рассказала о поисках Аширай Яишки. Доро-та-бо не встречал его, но за мои золотые серёжки пообещал поймать Баке-дзори - цукогами старого соломенного шлёпанца. Он же - дальний родственник Аширай Яишки.

Доро-та-бо заверил меня, что Баке-дзори обязательно поможет найти Аширай Яишки, потому что умеет его призывать. Я с радостью отдала Доро-та-бо золотые серёжки - те, что словно две большие монеты. И вот - снова полночь, я иду к Великому Камфорному Дереву, где мы договорились встретиться с Доро-та-бо. Надеюсь, что сегодня у меня будет в руках цукогами старого шлёпанца, а за ним и тол...»

На этом запись заканчивалась.

Так вот кто убил бабушку! Её заманил дух заброшенного рисового поля Доро-та-бо! Пообещал ей помочь и нагло обманул. Бабушка пошла к нему на встречу, а дух напал на неё и искушал до смерти. И это за то, что она помогла ему накануне! Да ещё и отдала ему вперёд плату - свои серёжки.

Итиро затрясло от гнева. Он долго не мог успокоиться. Вскочил и отворил дверь во двор, чтобы немного остудить разгорячённую голову.

Дождь затих.

Наступила тишина. Такая плотная, что Итиро различал лишь тяжёлый стук собственного сердца, тихое сопение щенков да журчание воды их домашнего родника, который не замерзал даже в самые чёрные зимы.

Небо очистилось. Луна залила двор серебристым, почти осязаемым покоем. Их маленький, до боли знакомый сад, в этом свете вдруг стал невыносимо прекрасен - словно кто-то снял с мира грязную кожуру.

Итиро вдохнул полной грудью - и забыл, что такое страх. Кровь остыла. Дыхание выровнялось. Боязни, что сидели слипшимся комом в горле, ослабли, отступили. Словно Итиро перестал быть смертным. Остался только лунный свет и понимание, что он уже не совсем человек.

Простояв в забытье и прострации, без мыслей и ощущений, Итиро очнулся, только когда почувствовал, что продрог. Он вернулся к сундучку и озябшими руками вытащил пачку писем. Пожелтевшие квадратики с рассыпающимся сургучом.

Все они были на английском, но этот язык с малолетства Итиро заставляла учить бабушка, наняв лучшего в округе учителя.

На каждом конверте стоял один и тот же обратный адрес: Стурла Гутторсмен, фьорд Оса, Норвегия.

«Далеко! - подумал Итиро. - Где же эта Норвегия находится? Где-то на севере? Наверное, там жутко холодно».

Но письма Стурлы были очень даже тёплые. В них он писал, как рад, что нашла Минами. В одном из конвертов Итиро нашёл старый снимок – на фоне деревянного домишки стоял низенький толстенький паренёк – настоящий коротышка, рядом с ним - жена и двое детей, все трое выше его едва ли не на целую голову, хотя сами и приземистые, тяжёлые в кости, словно вырубленные из дуба. Лошадь, привязанная поодаль, казалась по сравнению с семьёй настоящим великаном.

Стурла с большой любовью рассказывал о своей ферме и семье. Они разводили овец и изготавливали сыр.

В одном из писем Стурла Гутторсмен сообщал:

«От отца мне по наследству достался огромный клык на верёвке. Это мой ауксил. С помощью него я собираю закаменевшие яйца ящеров. Когда гуляю по фьорду, то вешаю клык на шею. Если яйцо близко, зуб тяжелеет и клонит к земле. В том месте и нужно копать, для этого у меня всегда с собой складная лопатка. Я насобирал уже целый сарай таких яиц, но что с ними делать дальше, не знаю. Уважаемая Минами, когда-нибудь эту загадку мы обязательно разгадаем вместе».

...Только под самое утро Итиро вышел из сарая, и встал посреди двора. Он склонил голову, отчего тёмные волосы рассыпались и скрыли узкое лицо. Взгляд больших сливовых глаз застыл на кончиках башмаков. Итиро потерялся - куда ему сейчас идти, что делать?

На остывшую от дождя землю опустился туман и клоками повис в каждом углу двора. Через его завесу и дом, и дедушкин садик, и ручёк, убегавший под забор, казались таинственными, незнакомыми.

В голове у Итиро была каша. Всё, что он узнал ночью, там никак не укладывалось. Мир рухнул, а новый, населённый неведомым, его ошеломил.

Пролетев низко, ухнула припозднившаяся ночная птица. Её крик вывел парня из оцепенения, и он двинулся к дому.

Итиро схватил одеяло, накинул его на плечи, тихо прокрался в комнату к спящему деду, как делал это в детстве. Он сел поодаль от сопящего Таисуке. И застыл.

Мысли роились в его голове, словно растрёпанные птицы. В один миг вся жизнь перевернулась. Но что делать с этой информацией?

Он всматривался в лицо деда, как будто видел его впервые. Итиро боялся его и уважал. Он называл это почтением. Когда Итиро было всего пять, дед взялся обучать его иайдо. Но Итиро боялся катаны. После старик присоединил к занятиям приёмы рукопашного боя, но и тут Итиро казалось, что у него ничего не получается. Обычно, когда Кудо смотрел на внука, мальчик отводил глаза, потому что боялся, что дед увидит в них страх и стыд. Он боялся, что дед разлюбит его.

Иногда, когда раздосадованный Таисуке, огорчённый слабостью Итиро, уходил в дом, глядя ему вслед, мальчишка хотел крикнуть: «Я трус. Я всегда был трусом. Но я люблю тебя больше жизни, дедушка. Не отворачивайся. Поговори со мной. Утешь меня».

Но слова застревали в горле, как ком сухого хлеба. Потому что даже в этом последнем, самом тёмном мгновении, он всё ещё надеялся, что старик посмотрит на него и не увидит слабака. Увидит мальчика. Своего мальчика.

Так смотрел на него бабушка. И больше никто.

Сейчас, сидя перед спящим дедом, освещённым рассветными лучами, Итиро снова стало страшно и захотелось уйти. Но груз вопросов грудой камней придавил к циновке.

«Его тень лежит на полу длиннее моей маленькой никчёмной жизни, - думал Итиро. - Если я заговорю с ним - эта тень, наверное, проглотит мой голос. Но если промолчу - то проглотит меня целиком. Хочу спросить. Боюсь услышать ответ. Но больше боюсь, что ответа не будет вовсе - и тогда внутренние сомнения разрежут меня изнутри, словно лезвия».

Так и сидел бледный Итиро, пока дед не открыл глаза.

Только достопочтимый Кудо Таисуке сладко зевнул, не успев потянуться, как внук печатал его вопросом.

- Дед, так мы из рода ёкай?

Старик насупился, подтянул одеяло и накрылся им с головой.

- Дедушка... - потянул за край покрывала внук.

- Не будем об этом, - сердито ответил Таисуке.

- Я нашёл дневник бабушки. Так мы визидары? - повторил вопрос Итиро.

Дед выпутался из одеяла, поднялся, досадливо вздохнул, приглаживая на лысеющей макушке волосины, и сказал:

- Не мы, а ты. Я из самурайского рода. Человеческого.

- А какая между нами разница? - удивился внук.

- Ну-у-у, - кажется, впервые, дед замешкался, - вот, пальцы у тебя длинные. Это от рода ёкай.

- Подумаешь, у многих людей пальцы длинные, - разочарованно протянул Итиро, глядя на свои руки.

- У визидаров, как я помню из рассказов Минами, почти все черты, которые им достались от нелюдей, стёрлись. Взглянув на визида, различия уже редко увидишь. А и увидишь, так примешь за особенность человека. Но всё же визидары не люди... Вот к примеру, помнишь, ты говорил, что иногда, хоть и редко, видишь, накопившиеся в других дурные мысли тёмными, а хорошие – светлыми? Так вот. Люди такого не видят, - покачал головой Таисуке.

- А как тогда они понимают, иметь дело с человеком или нет? - растерялся Итиро.

- Никак. Людьми это понимается позже. Пойдём уж, попьем чая. Я тебе всё расскажу.

...Дед медленно ходил по кухне: разогревал чай, разливал его по плошкам, вздыхал, тревожно гремел посудой и оттягивал разговор. Итиро же, напротив, спешил. Он быстро накрыл на террасе низенький столик, вынес подушки, чтобы на них сесть и стал терпеливо ждать.

Наконец, Таисуке вышел, устроился поудобнее, старательно расправил складки хакамы, долго сосредоточенно чесал уши, потом медленно отгонял муху. Но пришёл момент и он, отхлебнув из чашки, начал неспешный разговор.

- Я познакомился с Минами, когда нам было по двадцать лет. Мы работали вместе. Минами была самая улыбчивая, самая быстрая и самая добрая из всех людей, которых я знал, - Таисуке замолчал и уставился на кривую ветку сосёнки, что качалась недалеко от них.

Дед опять выдал порцию вздохов и продолжил:

- Она мне сразу понравилась, моя дорогая Минами. Мы много гуляли. Я всё больше молчал - мы, самураи, непривычные разговаривать, а она рассказывала. Да всё такие странные истории. И я думал, что Минами - большая фантазёрка. Когда сделал ей предложение, она согласилась только на одном условии, что я отпущу её в путь, как только придёт время. А куда и когда, Минами и сама не знала. Первое время я волновался, но потом мы зажили почти обычной жизнью, как все, и я успокоился. Минами рассказывала, что она из особого рода, что и не человек вовсе, указывая на свои удлинённые пальцы с ноготками чуть напоминавшими сердечки - точь-в-точь, как у тебя, Итиро. Но я не верил ей. Как не верил и в то, что, в конце концов, Минами покинет эти края, потому что она - из прославленного рода ремесленников и у неё какая-то миссия. Она говорила, что общается с духами и каждое полнолуние уходила из

дома бродить по округе. Возвращалась под утро с охапками трав, с сумкой набитой кореньями и камнями. Но это было всего лишь одну ночь в месяце. А в остальное время она была хорошей хозяйкой и доброй матерью нашей дочери – твоей матери. Я надеялся, что Минами никогда не уйдёт. Но однажды... в полнолуние... ты сам знаешь, что произошло. И я запретил себе думать о волшебстве, странных рассказах жены, чтобы не потерять и тебя. Поклялся жить обычной жизнью и воспитать тебя самураем без этих сказок. Сохранил только одно чудо, которое осталось от Минами. И напоминает о ней.

- Какое чудо? - удивился Итиро.

- Вот, наш ручеёк, - показал в середину сада камней старый Таисуке. Туда, где у корней сосны из срезанной бамбуковой ветки вытекала вода.

- Какое же это чудо? - спросил Итиро, - обычный родник.

Дед крикнул, встал, спустился в сад, подошёл к бамбуковой ветке и вытащил её. И тут же вода перестала течь. Таисуке ткнул бамбук остриём в другом месте, и из него сразу заструилась вода.

- Он волшебный. Куда ткнёшь, там и польётся, - объяснил дед внуку.

Итиро взял бамбуковый стержень и внимательно рассмотрел его: на нём в неприметном месте был изображён знак: колесо, внутри которого было три переплетающихся глаза. С одним зрачком посередине. Всё это окружало солнце, от которого расходились десять лучей, заканчивающихся маленькими треугольниками.

- Такой же знак я видел у бабушки на дневнике! Надо же! – обрадовано воскликнул Итиро.

Но тут же стал серьёзным.

- Я знаю, кто убил бабушку, - сказал он. - Это злой дух заброшенного рисового поля. Доро-та-бо. Он обманул её. Я прочёл это в её дневнике, который нашёл в сундуке под крышей сарая.

- Странно. Я сам когда-то заколотил тот чердак, сложив туда вещи Минами. Но никакого сундука там не было.

Тут над столом закружила та самая бабочка с жёлтыми крылышками. Она села на лысину старого Таисуке и застыла. Итиро посмотрел на неё и, набравшись смелости, сказал:

- Знаешь дед, я должен продолжить дело бабушки Минами. Всё утро об этом думал. Нельзя так всё оставлять. Я знаю, что именно этого хотела бы бабуля.

В это время, словно соглашаясь с Итиро, бабочка помахала усиками. Дед снова завздыхал, ссутулился, сжался, отчего стал непривычно беззащитным. Он искоса виновато взглянул на внука и вдруг, выдохнув, сказал:

- Хорошо, что всё закончилось...

Поймав непонимающий взгляд Итиро, объяснил:

- Я всё время боялся...

Внук ошарашено застыл - дед чего-то боялся?! Да когда ему топор рассёк лодыжку, он буркнул: «мелочи», наскоро грубо обмотал ногу рубашкой и не ушёл в дом, пока не перерубил все дрова. А кровь медленно просачивалась сквозь ткань, делая землю вокруг чёрной.

- Ты не представляешь, - продолжил Таисуке, - как тяжело жить с грузом секретов. Чувствуешь себя обманщиком. Самое страшное, когда ты что-то скрываешь, это - ожидание. Оно не даёт покоя, мучает. В глубине души я всегда знал, что так будет. Сейчас мне легче. Наверное, такова твоя судьба, Итиро. И как я не пытался уберечь тебя от этого, ты всё равно пойдёшь дорогой, которая тебе предначертана...

Они молча похлебали чай, думая о своём, а потом внук решился расспросить деда про духа Аширай Яшики.

- О-о-о, - закатил глаза Таисуке, - твоя бабушка мечтала его встретить. Была одержима этой идеей. Дух Аширай Яшики ходит от дома к дому в виде оторванной ступни. Он покрыт

слоем грязи и от него, говорят, такая вонь, что глаза слезятся, - дед затрясся в неслышном смехе. - Он топчет у порога, громыкает, роняет предметы и требует его помыть. В одну секунду может вырасти до огромных размеров и раздавить дом, если ему что-то не понравилось. Говорят, много лет назад в соседней деревне Аширай Яшики уничтожил сарай у крестьянина за то, что тот отказался его омыть. Многие болтают, что по размеру этот дух как мельница, но на самом деле большую часть времени Аширай Яшики не отличается от ноги человеческой.

Задумавшись, Итиро спросил:

- Так ты не против, если я пойду путём визидаров? Я не знаю, каким. Я не знаю, куда. Но сердце подсказывает, что это моё.

- Каждый имеет право поступать, как хочет, - сурово изрёк дед, - но обязан принимать и последствия.

- А вдруг я ошибусь? Вдруг что-то сделаю не так?

- Нет ошибки, есть выбор, Итиро, - мотнул головой Таисуке. - Если уж ты решил, закрой дверь сомнений. Туда уходят силы, которые понадобятся для дороги.

...С того дня они зажили по другому. Лучше.

Затемно дед выходил с Итиро во двор тренироваться. Стёртый дзё в руках старика казался продолжением его костей. Удары приходили без предупреждения - не для грации, а чтобы тело Итиро запомнило боль раньше, чем разум успеет испугаться. Внук летел в солому, слышал хруст собственных рёбер, кашлял пылью. Дед ждал, пока дыхание парня вернётся, и повторял приём. Но Итиро, наконец, делал это с радостью и осознанным остервенением. Он жадно слушал Таисуке. Впитывал. Потому что теперь у него была Цель.

После занятий Итиро смазывал раны, перевязывал растяжения, и шёл ухаживать за щенками, а дед наводил порядок в каменном саду. И каждый день парень доставал свёрток со стопой, долго о чём-то шептал над ним, будто спрашивал. Или уходил за дом в поле откуда было видно кусочек вулкана Адзумы-кофудзи. Итиро смотрел, как на вулкане постепенно тает снег, и с каждым днём всё чётче и яснее становится контур белого зайца.

Как-то вечером Итиро сотый раз расспрашивал деда, не знает ли тот о Великом Камфорном Дереве. Таисуке опять покачал головой и парень совсем приуныл. Где же оно? Парень чувствовал, что именно там, где закончилась эта история, надо искать её продолжение. Ибо, как говорят мудрецы, если ты зашёл в тупик, то выход ищи там же, где был вход. Поэтому Великое Камфорное Дерево следовало найти, а оно никак не находилось. Итиро поспрашивал о нём одноклассников и знакомых, но никто не мог сказать ничего путного.

Разрешилась задача неожиданно.

Однажды Итиро получал в лавке заказанный для щенков корм. Нагрузив полную телегу, парень вышел на улицу, завернул за угол и тут же увидел соседку - старушку Миюке-сан.

Итиро не знал, сколько ей лет - может сто. Она напоминала высохший бобовый стручок - кожа да кости. Казалось, она не ходит, а ветер гонит её, как трухлявую деревяшку. Но сегодня чего старуха удумала! Тоже закупились товарами - набила скарба в два мешка, связала их вместе и перебросила через тощие плечи.

Непонятно, как она их вообще тащила, но как только дорожка шла под уклон, груз перетягивал то в одну, то в другую сторону, и старуха начинала скакать, еле успевая перебирать скрюченными ногами. Итиро увидел её в тот момент, когда казалось, мешки победили и сейчас утащат Миюке-сан в придорожную канаву. Но старушка снова изловчилась и остановилась на самом её краю.

Итиро и так было трудно толкать нагруженную телегу - ныли натренированные руки. А пальцы, отбитые об дзё, не гибались. Но парень пожалел старуху, подхватил её, и махом посадил на свои мешки вместе с её грузом. А сам с удвоенной силой налёг на ручки.

Колесо телеги жалобно вскрикивало, подпрыгивая на колдобинах, а соседка, в качестве благодарности, всю дорогу расхваливала Итиро.

- Ты добрый и сильный! - лила патоку старушка. - Вот ещё немного подрастёшь и станешь могучим как Великое Камфорное дерево. Оно тоже сначала было тоненьким да нескладным, а выросло - и полнеба заслонило.

Итиро от неожиданности остановился. А старуха, чуть не свалилась с телеги, в последний момент ухватившись за край.

- Расскажите, Миюке-сан, мне об этом дереве. И почему о нём мой дед не знает?

Старуха глухо засмеялась:

- Мужчины! Они мало на что обращают внимание. Великое Камфорное дерево - на западных рисовых полях. Мы с твоей бабушкой каждую осень ходили к нему собирать священные листья. Сколько раз Минами лечила им твои хвори, и не сосчитать!

- А где оно растёт, Миюке-сан?

- Росло. Вон за теми холмами, - старуха махнула костлявой рукой налево. - Но десять лет назад, в ночь, когда умерла твоя бабушка, в дерево попала молния. И оно сгорело. Откуда только молния взялась там? Какая гроза зимой? Но если ты пойдёшь вокруг Лысого холма, - стала объяснять она, взмахивая кривыми пальцами, - обогнёшь поле, найдёшь старую каменную изгородь, отправишься вдоль неё, то придёшь как раз к останкам Великого Камфорного Древа.

У дома соседки Итиро распрощался с ней и, воодушевленный, повёз домой корм. Теперь его веселило всё: и безбрежное небо, и проблёскивающая в канаве вода, и яркие одуванчики, распутившиеся по обочинам дороги.

...Через неделю наступило полнолуние.

Итиро с нетерпением ждал, когда заснёт дед. Но тот, как специально, не торопился. Сначала читал газету, потом в самых потёмках вышел в садик подравнять песчаные бороздки вокруг камней, а после долго сидел, наблюдая, как носятся в черничном небе летучие мыши. Но, наконец, почтительный Таисукэ расстелил фuton, лёг, погасил свет и тихо засопел, отвернувшись к стене.

Итиро завязал волосы на затылке жёстким узлом, подхватил сумку, подготовленную накануне. И, крадучись, выбрался из дома.

В саду камней бамбуковая палочка уже ждала его. Он схватил её, она тут же перестала течь. Древесина на миг сжалась в ладони - живая, пульсирующая. Итиро сунул палочку к остальным вещам, засунул за пояс катану, и, выдохнув, вышел за калитку, свернув на задворки.

Они жили на отшибе. Луна спряталась за плотными облаками. Поэтому вначале пришлось почти на ощупь искать дорогу. Итиро двигался вслепую, но без страха - пальцы сами находили путь в густой, но знакомой черноте. Он с радостью поймал себя на мысли: тьма больше не противостоит ему. Хотя и не помогает. Ночь просто существует вокруг - равнодушная, плотная. Она стала воздухом, которым он дышал. Средой. Итиро прислушался - внутри не дрожало, не пульсировало.

Парень удивительно быстро добрался до Лысого холма, прозванного так оттого, что на его вершине и правда не было ничего, кроме большого камня. Итиро обошёл его и, войдя в высокую траву, с трудом нашёл полуразвалившуюся каменную изгородь, про которую ему рассказывала соседка. Наконец, облака стали рассеиваться, изредка показывая луну. Она, моргая, подсветила округу. Идти стало веселей.

Итиро довольно долго шёл вдоль изгороди, продрог и стал переживать, не пропустил ли нужное место. В травах шумели насекомые, ветер разогнал все тучи на небе, и стало совсем светло. Почти как днём. Итиро даже тихо запел.

Вдруг в низине он увидел то, что искал - искорёженный могучий пенёк. Его полусгнившие корни торчали во все стороны, словно конечности морского чудовища. Итиро подобрался поближе. У самых корней трава была примята, землю покрывали рытвины и канавки.

Парень остановился размышляя, что же ему делать дальше. Но тут в одном месте корни заходили ходуном, и земля стала приподниматься, словно её изнутри копал огромный крот. Итиро оробел и отступил назад.

Земляная куча перестала расти и из неё медленно высунулись две длинные крючкова-тые руки-ветви. Они потянули корявые пальцы к Итиро. За ними показалась противная веретенообразная башка с глазами навывкате. По бокам головы свисали рваные лохмотья огромных ушей, в которых сверкнули золотые монетки серёжек. Итиро сразу их узнал. Страх из его сердца улетучился, сменившись гневом.

- Противный Доро-та-бо! Я Итиро, внук Минами. Ты убил мою бабушку! – закричал парень и, вытащив из-за пазухи катану, кинулся на духа. - Сейчас ты получишь за все свои прегрешения!

В одну секунду земляное тело Доро-та-бо вспенилось, взвилось смерчем до самого неба, вцепившись в Итиро. Дух мгновенно выхватил оружие из рук парня и откинул меч далеко в поле. Цепкие руки Доро-та-бо держали Итиро и отчаянно трясли. У парня перехватило дыхание. А дух приблизил лицо к Итиро, обдав его зловонным дыханием помойной ямы, и пророкотал:

- Как смеешь ты обвинять меня в таких вещах?! Это я должен сердиться! Я жду Минами уже десять лет. Каждое полнолуние. И уползти не могу, потому что пообещал.

Доро-та-бо кинул Итиро в траву, но тот мягко приземлился на кочку. А чудище схватилось за голову и закачалось:

- Бедный я несчастный дух заброшенного рисового поля! Что случилось с Минами? Как же мне выполнить данное ей слово?

- Так ты не знаешь? - удивился Итиро, поднимаясь, - она погибла, и я пришёл за неё.

- Ты заберёшь Баке-дзори?! - ожил Доро-та-бо. - Это дрянное цукогами соломенного шлёпанца! - стал причитать дух, возводя руки к небу. - Он изгрыз меня изнутри, измотал. Ни одной ночи я спокойно не спал, ни одного дня не отдыхал. Но обещание, данное Минами, связало меня по рукам и ногам.

- Да, я заберу Баке-дзори, - пообещал Итиро.

Доро-та-бо опять взвился, захохотал, растряхивая вокруг землю с сухими ростками и нырнул в яму. Через минуту вытащил оттуда мешок и кинул к ногам Итиро. В мешке что-то копошилось.

- Прощай Итиро, внук Минами, - сказал, сверкнув серёжками Доро-та-бо, и, стал растворяться в земле, раскидывая комья грунта, отчего образовалась огромная дыра, которая тут же завалилась сама собой, как только скрылся облезлый хвост духа.

- Так кто убил мою бабушку? – крикнул ему вслед Итиро.

- Не знаю-у-у-у, - донеслось глухое завывание из-под земли, - а напоследок дам тебе совет - набери корней камфорного дерева, если пойдёшь к духу вулкана-а-а-а...

И Доро-та-бо разразился затухающим смехом.

Итиро решил воспользоваться советом духа. Сначала он нашёл в траве катану, потом вытащил из сумки нож, подошёл к камфорному пню, и стал отрезать куски корня. Работа давалась тяжело, Итиро быстро вспотел. Корни всё ещё были жёсткими и поддавались с трудом.

Через час, устало вытирая лоб, Итиро сложил кучку нарубленных корней в сумку, размышляя – хватит ли столько? Но тут его взгляд привлекло шевеление в траве. Мешок, брошенный Доро-та-бо, перекатываясь, улепётывал под горку.

Итиро еле нагнал его, схватил и, отдышавшись, развязал. Он засунул внутрь руку и вытащил извивающийся визжащий шлёпанец.

- Отпусти! Отпусти сейчас же, а не то откушу тебе палец! – злобно пищал Баке-дзори.

- Я отпущу тебя тут же, как только ты призовёшь дух ступни Аширай Яшики. И потом у тебя зубов то нет! – сказал, встряхнув шлёпанец Итиро.

- Я в ссоре с Аширай Яшики, - пытался вывернуться цукогами, - и зняться с ним больше не хочу!

- Призовёшь его, а я за это прилажу тебе на место лямку, - пообещал Итиро, показав на оторванный ремешок.

- Правда? Не врёшь? – застыл шлёпанец.

- И даже отмою тебя. Прямо сейчас, - подтвердил Итиро.

Он подошёл к сумке, вытащил оттуда бамбуковую палочку и воткнул её в землю. Тут же полилась вода. Итиро черпал её и тёр соломенный шлёпанец. Тот извивался, хохотал, подставляя под струю то один, то другой бок.

Потом они сидели на каменной изгороди у самой дороги и ждали, пока Баке-дзори высохнет. Итиро, как и обещал, привёл в порядок лямки старого шлёпанца и тот, после купания и ремонта, выглядел вполне сносно.

Довольный Баке-дзори, осматриваясь, сказал:

- Ну, ладно. Помогу тебе. Только предупреждаю - Аширай противный. Характер у него драчливый и такой же дрянной, как запах.

- Он мне нужен, понимаешь? Ты уж его вызови, а я с ним сам договарюсь. Может, со мной он будет добрее? У меня для него подарок.

Баке-дзори вскочил, внимательно огляделся по сторонам, а потом вдруг завертелся на месте и тоненьким голоском заверещал:

- Стучи-грохочи-приди-топочи!

Замолк, прислушался и взвыл громче:

- Стучи-грохочи-приди-топочи...

Подскочил, толкнул в бок Итиро:

- Чего сидишь? Помогай!

И они долго, до хрипоты, вертелись и кричали: «Стучи-грохочи-приди-топочи», пока Баке-дзори не замер и не сказал: «Тихо!» Он припал к изгороди, уставился в одну точку, втянул маленьким носиком воздух и спросил:

- Чувствуешь?

Итиро принялся. Воняло стоячей водой.

- Это Аширай Яшики! - кивнул цукогами. - Он сейчас сюда выйдет. Но я тебе не обещал, что буду с ним говорить, - добавил хитрый Баке-дзори, - прощай.

Итиро не успел ничего сказать, как шлёпанец ловко спрыгнул с изгороди и, улепётывая, исчез в высокой траве. Будто его и не было.

Парень вперился в дорогу, туда, куда глядел до этого шлёпок. И, действительно, через какое-то время, из-за кустов показалась ступня. Будто шёл незримый человек, у которого была видна только часть ноги. За ступней в дорожной пыли отпечатывалась цепочка чёрных следов.

Нога приблизилась к Итиро. Парень встал, поклонился ей и сказал:

- Достопочтимый дух Аширай Яшики. Я прошу вашей помощи.

- Вот ещё, - проворчал, увеличившись до размера стола, дух.

- Я прошу вас пойти со мной на вулкан Адзумы-кофудзи, чтобы попасть внутрь него.

- Да ты с ума сошёл, - ещё увеличился в размере Аширай. Он стал ростом с лошадь.

- Мне нужно найти там свой тол, - объяснил Итиро, - и только вы мне можете помочь.

- А мне до этого какое дело? Я не служу людям.

- Я - из рода визидаров, - уточнил Итиро.

- Один хрен, - и дух вырос до размера дома.

Но Итиро не показывал страха, хотя внутри холодел от ужаса. «Если сейчас убегу, то потом не прошу себе», - пронеслось у него в голове.

- Сейчас вот возьму и раздавлю тебя, - поднял над ним грязные пальцы Аширай Яшики.

- А у меня для тебя подарок! – сказал Итиро, словно ничего не происходило, и на него не сыпались мелкие камешки и мусор с огромной раздутой ступни. Парень засунул руку в сумку, вытащил оттуда свёрток. Аккуратно развернул его и поставил перед Аширай Яшике найденную на чердаке ногу.

Увидев её, дух подскочил, в одну секунду уменьшился и две стопы, наконец, встали рядом.

- О, Итиро, я обязательно помогу тебе, если ты отдашь мне моего брата, - взмолился дух, прижавшись к ступне из свёртка.

- Я же сказал, что это тебе подарок, - кивнул Итиро.

- Отправимся куда угодно, хоть в преисподнюю! – пробормотал дух, - хотя в вулкане жарко не меньше, чем в адском пламени. Но раз нужно, то пойдём. Надевай меня, - командовал Аширай.

И ступни встали перед ним. Итиро опасливо оглядел торчащие из них ошмётки мяса, но, решившись, попробовал надеть их, как сапоги. К удивлению, получилось это весьма просто. Ступни сами нацепились на парня. Ноги стали лёгкими и побежали. Да так, что Итиро только успел подхватить сумку.

Он нёсся, не касаясь земли. Быстро, как ветер. Пробежал поле, начался лес. Дух поднял Итиро над деревьями, и они помчались по кронам. Итиро чувствовал, как молодые листья щекочут им пятки. Иногда путники опускались на полянки, покрытые ковром волшебных цветов: когда ночная роса, потревоженная беглецами, падала на их лепестки, цветы становились прозрачными. Итиро хотел бы остановиться, разглядеть это чудо, но ступни несли дальше.

Лес закончился, начались холмы. Аширай Яшики поднял Итиро очень высоко над землёй, и порой они проносились через мягкие прохладные облака. Выныривая из них, Итиро был насквозь мокрый от влаги.

Но вот впереди показался вулкан. Он грозно чернел под лунным светом, сверкая остатками почти стаявшего снега.

Не прошло и часа, как Итиро уже взбирался по склону Адзумы к тому самому месту, где торчали грязные остатки снегового заячьего хвоста. Здесь почти ничего не было, кроме крупных валунов. Один из них напоминал плоский гладкий люк. Парень подошёл к нему, а дух Аширай Яшики приказал:

- Сдвигай его!

Итиро навалился, но плита не поддавалась. Парень собрал все силы, толкал снова и снова и, наконец, камень сдвинулся и под собственным весом сполз по склону.

Чёрная нора разверзлась беззубым ртом. Из глубины ударил запах падали - сладковатый, густой. А нора втянула чистый воздух снаружи и булькающе застонала: низко, гортанно, с хрипом больного, глотающего воду.

- Там темно, - выдохнул Итиро, заглядывая в пасть, где лунный свет гас, не долетев до края.

- Не бойся. Скоро будет слишком светло, - засмеялся Аширай Яшики, и бросил парня вниз.

Они летели по бесконечному чёрному туннелю. А он, как живой, вибрировал вокруг них. Сжимался и разжимался, словно глотка чудища. Становилось светлее и жарче. Жар прибывал, но не мягко, а рывками, обдавая лицо, как горячая кровь из разорванной артерии.

Наконец Итиро вышвырнуло в грот, прямо в кипящий воздух. Итиро на миг зажмурился, но веки не спасли: слепящий свет проникал сквозь них - красный, живой.

Пол дышал огненными трещинами из которых поднималось дрожащее марево. Ступни Аширай Яшики задымились, кожа на них запузырилась и почернела, вонь горелой плоти смешалась с серой.

Итиро же чувствовал в ногах лишь тепло - обманчиво-ласковое, пока оно не полезло под кожу.

Стены источали нестерпимый жар, воздух был супом из пара и пепла. Итиро хватал ртом вдохи - короткие, поверхностные, чтобы не обжечь горло до костей. Лёгкие ныли, словно их медленно варили заживо.

Грот не был местом. Он был организмом, который уже начал переваривать его. Итиро понял, что время идёт на минуты.

По длинным коридорам Аширай Яшики, наконец, вывел его в центральную пещеру.

Здесь то и дело со стен срывались горячие камни и подкатывались к середине зала, где горел большой очаг. Вперемешку с пламенем там бурлила клопочущая лава.

Перед ней на коленях стоял дух с четырьмя руками. Это был сам ёкай вулкана Адзумы. На его полном угольном теле вздувались оранжевые вены. Нижними руками ёкай загребал подкатившиеся камни и бросал их в огонь, а оставшимися черпал вскипавшую лаву и кидал в огромный рот, напоминавший доменную печь.

Не отрываясь от своего занятия, дух вулкана медленно повернул лохматую, покрытую коркой базальта, голову. Итиро увидел его опухшее раздутое лицо на котором вместо глаз зияли два кратера. Из них пузырилась и медленно стекала раскалённая ртуть; пенясь, она застывала на щеках чёрными слезами.

Адзумы зачерпнул из кострища лаву и забросил в пасть, где она зашипела, как мясо на углях.

- Чего тебе, Итиро? - прогундосил он, не переставая жевать.

- Здравствуйте, - парень склонился в поклоне, чувствуя, как жар лижет кожу лица. - Я пришёл за вещью. За моим толом.

- Ишь ты, прыткий, - ёкай чавкнул, перемалывая зубами обсидиановый осколок в труху.

- Хранение не бесплатно.

Из кратеров-глаз выплеснулась свежая порция жидкого металла; шарики раскатились по полу, остывая в чёрные жемчужины.

- Что хотите за тол?

- Накорми меня. Голоден я.

Адзумы снова зачерпнул лаву и забросил в рот камни - челюсти загрохотали, как камнепад.

- Чем?

- Давно не был наверху... Ох, как я любил тамошнюю еду. Растекусь - и всё сожру. Вкусное, нежное. Живое.

На миг он замер, вспоминая, а потом удвоил темп челюстей, с жадностью продолжая адское пиршество.

Итиро сунул руку в сумку и бросил перед Адзумы корень камфорного дерева.

Как только тот коснулся раскалённого пола - благоухал чистым, ярким ароматом. Запах леса, утренней росы и холодной хвои на мгновение оживил тяжёлую серную духоту грота. Ёкай схватил корешок и закинул в дымящую пасть.

- М-м-м... вкуснотища! Сладко, как кровь земли!

Итиро постепенно скормил ему все корешки, что принёс. Дух насытился, откинулся, дым пошёл из ноздрей.

- Пить хочу, - коротко кинул он.

Парень достал бамбуковую палочку, ткнул в кипящий пол. Дерево задрожало - и из него хлынула вода - чистая, холодная, невозможная здесь. Адзумы припал к струе, и громко, жадно залакал; пар валил изо рта клубами, как из кузнечного горна.

Наконец довольный дух отвалился, отдышался. Отвернулся, и снова стал швырять в огонь камни, в пасть - лаву.

- Так отдадите тол? - напомнил Итиро.

Адзумы сунул руку в самое сердце костра - почти по плечо. Порылся в языках пламени, как роются в тряпках старого сундука, и вытащил металлический стержень: тонкий, резной, с рукоятью, будто выкованной из застывшей молнии.

Тол лежал, дымясь, на его ладони.

- Бери, - кинул он его Итиро, - Только облей сначала водой из бамбука, чтобы Огненная палка остыла. Скажешь ей «Адолебит!», и она зажжёт и нагреет всё, что ты хочешь.

- И воду зажжёт? – спросил Итиро, обдавая кипящий стержень из бамбуковой палочки.

- Всё, что есть на Земле, - кивнул ёкай Адзумы.

- Спасибо вам, - поклонился Итиро духу, - но как нам теперь выбраться наружу?

- Садись на огонь, - приказал ему дух, ткнув в кострище перед собой.

- На огонь? Боюсь, я не смогу, - засомневался Итиро.

От жара парень почти терял сознание и плохо соображал.

Не успел он опомниться, как дух ловко схватил его ближайшей рукой и посадил прямо на костёр. Пламя подскочило, пробило потолок и в одну секунду подняло Итиро с Аширай Яшики наверх.

Они оказались на земле, а вынесший их огонь заклубился, забурлил и ушёл вглубь горы. Только завился след дымка. Словно задули большую свечу.

Стало тихо, лишь звёзды с луной сверкали на небе. Аширай подкинул ошеломлённого Итиро и легко понёс его домой.

Они проносились мимо деревушек, поблескивавших тёмными окнами. Сверху им были видны корабли в гавани, мирно глядевшие в свои размытые отражения. Под ними переливались затопленные рисовые поля. Медленно извивалась река, напоминавшая спящую сытую змею.

Аширай Яшики переставлял по воздуху ноги Итиро. Ветер трепал хвост парня на макушке, чуть холодили тело влажные одежды, но переполненный разум не мог уложить того, что случилось за ночь. Мысли заклинило и размыло. Итиро чувствовал себя как во сне. И больше уже ничего не впитывал, ничему не удивлялся, ничему не радовался.

Парень чуть пришёл в себя лишь когда ступни опустили его у ворот дома. И Аширай Яшики соскочил с его ног.

- Прощай, Итиро! – ступни затанцевали, поднимая пыль.

Закончив прощальные пируэты безумного одори, они быстро засеменили по дороге. Парень только успел прошептать: «Аригато, гайзамаста», поклониться, да помахать вслед.

Он постоял немного, прислушиваясь к шорохам. Потом прокрался домой, рухнул, как срубленный стебель бамбука, на футон, и мир, наконец, погас.

...Утро пришло серое, плаксивое. Итиро долго разглядывал привычные щели в деревянном потолке, пытаясь совместить их с пережитым ночью. Получалось плохо. А дед уже стучал по плитке двора старыми дзори, готовясь к тренировке.

После изнуряющего занятия, насквозь промокшие от пота, они с дедом сидели на веранде, прислонившись спинами к дому и глядели невидящими глазами сквозь сад камней, где каждый камешек давно знал свою тень наизусть.

- Я должен уехать, - произнёс тихо Итиро.

Он сказал это обыденно, словно муху отмахнул.

Кудо Таисуке не повернулся. Только пальцы, сжимавшие чашку с остывшим чаем, чуть дрогнули.

- То, что не сделала бабушка, должен сделать я. Меня ждут. Очень сильно ждут. Я это чувствую... здесь, - Итиро коснулся груди, там, где под рубахой висел ключ. - Обещаю писать тебе письма. И когда-нибудь заберу к себе. Когда дойду.

Дед вздохнул, а, потом спросил, глядя на чёрный камень у ног, похожий на спящего ворона:

- Дойдёшь куда?

Итиро пожал плечами - честно, без бравады:

- Не знаю. Но как узнаю - сразу напишу. Первое же письмо будет об этом.

Он помолчал, потом добавил, глядя в ту же точку, куда смотрел дед:

- И потом... я не только визидар. Я ещё и самурай. А у самурая нет цели. Только путь.

Итиро улыбнулся - легко, почти по-детски, но в глазах его уже стояла та тень, которая не уходит, когда человек решает идти туда, откуда не возвращаются.

Кудо Таисукэ кивнул - один раз, решительно, коротко, как ставят печать на приговоре. Больше ничего не сказал.

Только когда Итиро поднялся, дед вдруг протянул руку и коснулся его запястья - сухими, твёрдыми пальцами, что держали катану лучше, чем любой из ныне живущих.

- Иди, - произнёс он. - Но помни: путь - это не дорога. Это то, что остаётся, когда дороги уже нет. Настоящий путь там, где ещё нет ничьих следов. И тебе придётся идти первым. А это всегда трудно. И нет никого, кто может подсказать. Тогда слушай тишину внутри себя. Храни её в себе. Она впитала дух предков. И в тяжёлый момент только она говорит, и только она - опора.

Итиро внимательно посмотрел на деда. Слова застряли в горле, стало трудно дышать. Внук поклонился Таисукэ усердно, медленно. Потом повернулся и пошёл к сараю, не оглядываясь.

- Я к супицу, - буркнул парень.

Дед, как и сад камней за его спиной, молчал.

...С этого дня Итиро начал готовиться к дороге, хотя теперь он точно осознавал: дорога эта началась гораздо раньше - в ту ночь, когда бабушка умерла. И передала ему честь нести знамя неизвестного народа, его рода, его корней.

Наконец, души предков перестали шептать и мучить его ночами. Итиро принял их, они умолкли и растворились в крови. Придали сил и решимости.

... Через пару недель пришла пора распродавать щенков. Люди приезжали, брали тёплые комочки супицу на руки и улыбались. Итиро казалось, что он раздаёт людям счастье - так светлели их лица.

Деньги Итиро делил, раскладывая их в две коробки: одна жестяная коробка для себя, другая - деду. Вторая жестянка всегда выходила чуть тяжелее - рука Итиро обычно дрожала, скидывая туда монеты.

По найденному в бабушкином сундуке адресу, парень отправил в Норвегию телеграмму: «Я Итиро, внук Минами. Всё нашёл. Скоро приеду». И не очень удивился, получив вскорости в ответ одно слово - «Жду».

После того, как был куплен билет на пароход, Итиро отправил в Норвегию ещё одну телеграмму - с точной датой прибытия. На этот раз ответа не было вовсе - только тишина, которая почему-то звучала для Итиро абсолютно утвердительно.

Осталась последняя ночь.

После долгой изнурительной тренировки, Итиро с дедом вновь сидели на веранде, глядя на плавно светлеющий горизонт. Они неторопливо переговаривались о насущном:

- Сколько времени будет плыть твой пароход до Нор-ве-гии, Итиро? - уточнил дед, по слогам произнося название государства, что никак не хотело ложиться на язык.

- Почти месяц, - вздохнул Итиро.

- Подумать только, - покачал головой Кудо, - месяц на воде.

А Итиро вдруг выдохнул сокровенное:

- Дедушка... я боюсь. Очень сильно боюсь.

Кудо Таисуке долго молчал. Потом протянул ладонь, коснулся кимоно внука и нежно погладил его через тонкую ткань по руке.

- Страх делает нас слабее, Итиро. Но демонов страха всего два. Один демон - страх перед тем, что ещё не случилось. Перед будущим. Второй - желание удержать чужие жизнь и мысли в своих руках. Если ты осознаешь, что оба демона не в твоей власти и смиришься с этим фактом, то они ослабнут и перестанут тебя пожирать.

Итиро кивнул, соглашаясь.

...Через час они вышли из дома.

Со стороны всё выглядело обыденно: старик и внук собрались по делам в город. Они медленно шли, иногда переговариваясь о мелочах: о цене на уголь, о том, что в этом году хурма зацвела поздно, о выздоровлении старого супитцу... Сели в автобус. Никто не смотрел на них дольше положенного.

Кудо Таисуке всю дорогу до порта выглядел как всегда: бодрым, сосредоточенным и отрешённым. Только у самого трапа, когда матрос в потрёпанной фуражке уже проверял у Итиро билеты, лицо старика сломалось. Слезы появились мгновенно - и он опустил голову, стыдливо пряча их, как краденое. Обнял внука так крепко, словно пытался передать ему последние остатки тепла своего тела.

- Я отпускаю тебя, - сказал он тихо, почти шёпотом. - Потому что ты из рода Прославленных. Не забывай. Великие поступают как великие. Честь рода - превыше всего, Итиро. Не посрами бабушку... И меня.

Внук, уткнувшись Кудо в плечо, старался вобрать как можно больше запаха родного дома, исходившего от хаори деда.

Дали длинный гудок, обдав пассажиров большим облаком пара. Внук и дед расцепились.

...Пароход отшвартовывался медленно, тяжело. Дед стоял на пристани среди провожающих, прямой, неsgiбаемый, как дзё. И махал долго-долго, пока белая полоса пены за кормой парохода не стала тонкой ниткой на горизонте, а потом и вовсе не растворилась в сером мареве.

И всё это время на плече старого Таисуке незаметно сидела жёлтая бабочка. С чёрным рисунком на крыльях.

Глава вторая

Ферма Гутторсменов и те, кто обитают во фьордах

Стурла проснулся в полной темноте. Поворочался в кровати, боясь потревожить сон сопящей рядом жены, и стал привычно прислушиваться к тому, что происходит наверху, в доме. Слава богам Вальгаллы, там было тихо.

Стурла тихо оделся, кряхтя забрался по шаткой лесенке и откинул крышку.

Он вылез из погреба и оказался под столом в кухне собственной фермы. Осторожно приподнял скатерть и ещё раз прислушался. Только когда Стурла убедился, что в доме спокойно, он, наконец, встал с четверенек и выпрямился.

Предрассветная мгла осветила его кряжистую фигуру. Лысая вытянутая голова Стурлы, казалось, росла сразу из плеч. Его обветренная кожа в потёмках отливала тёмным, словно подкопчённая над углями оленина.

Стурла прошёлся по дому, заглянул в комнаты. Убедившись, что опасности нет, выдохнул, задрал рубаху, и, кряхтя, с наслаждением почесал длинный шрам, тянувшийся через весь живот. Казалось, что старую рану залили оловом, и оно навечно спеклось, сделав кожу вокруг бугристой.

Стурла был крепким малым. И пусть обычному викингу, из-за гномичьей породы в его крови, он еле доставал до пояса, но кулаки коротышки были железными. Когда он их сжимал, раздавался хруст, будто между пальцами ломаются шестерёнки.

Он расчесал пятерней лохматую бороду, и, закончив на этом приводить себя в порядок, схватил со стола кусок вчерашнего хлеба. Только Стурла хотел засунуть его целиком в рот, как вздрогнул – в дверь стукнули. Потом в стену, затем звякнуло окно.

Коротыш метнулся коршуном и быстро задёрнул шторы. Стук был всегда один, а, как известно, один раз стучат в ночи только мертвецы. Живые стучат трижды.

Стурла осторожно выглянул в окно. Так и есть - по двору медленно перемещались тени драугров. Молчаливые фигуры с отслаивающейся землистой кожей на лицах. Сегодня их было уже пятеро. Пятеро! А раньше приходили только двое.

Да, зачастили мертвяки, хоть раньше обходили их ферму за версту.

А незваные гости тем временем столпились у сарая, в котором Стурла хранил каменные яйца. И паршивой собаке было понятно, что драугры ищут именно их, ведь откапывал то Стурла эти яйца в основном из могильных курганов. Раньше в неприкаемые могилы обязательно клали такое яйцо – считалось, что оно держит душу мертвеца в земле. Видно, так и было.

До сих пор драугры никак серьёзно не вредили семье Гутторсменов, только шатались ночью у дома. А утром, когда они исчезали, во дворе находили перевёрнутые вёдра, расколотые горшки, раздавленные куриные яйца - мелочь, детская шалость для мёртвых.

...Стурла следил за ними сквозь кружевные шторы. На шее одного драугра висела истёртая верёвка с узлом вросшим в синюшную кожу. Понятно - висельник. С двух других стекала чёрная вода, пальцы были раздутыми, как тесто, слишком долго пролежавшее в корыте - ясно, что утопленники. К гадалке не ходи. Остальные трое стояли тяжело, покачиваясь. Будто до сих пор не могли разогнуть спины под весом проржавевших кольчуг и расколотых щитов - воины.

Мертвяки не смотрели на окна. Но Стурла давал голову на отсечение, что они знают, что за ними наблюдают. Он чувствовал это ноздрями, каждой порой носа, похожего на картофельный клубень.

На всякий случай коротыш снял со стены топорик и надел шлем, в котором ходил постоянно, за что его во фьорде прозвали Блестящая голова. Шлем свой он любил и каждый день старательно и долго начищал: и его мятые, выдавшие виды, стальные бока, и особо - маленькую шишечку сверху.

Снарядившись, Стурла подошёл к печи, схватил кувшин, наполненный мутной пенистой жидкостью, отхлебнул, выплюнул пару мух, попавших туда с вечера, допил, приговаривая: «Ух, хорошо... бодрит!» Отрыгнул грозно, протяжно, с наслаждением. Потом сел у двери, прислонившись к косяку, опёрся на оружие, да так и просидел, подрёмывая, до самого рассвета, пока его не разбудила жена.

- Эй, Стурла! – толкнула она его локтем, надевая на пышную юбку фартук, - драугры что, опять приходили?

- Да, Дэгни, - захрустел костями, зевая и потягиваясь, Стурла.

Жена заплела волосы в длинные косы, накрутила их корзинкой на голове. Глянула в зеркальце, поправила завитки на висках, чтобы те прикрыли задорно оттопыренные ушки и, схватив ведро, собралась отпереть дверь.

- Постой! – подскочил к ней муж. Он опять взял топорик, поправил шлем и первым выглянул во двор.

Но там никого не было. Даже банки и горшки были на месте - блестели глянцевыми боками на кольях забора. Стурла выдохнул и пошёл в сарай к овцам, которые сегодня, в ожидании корма, блеяли отчаяннее, чем всегда.

Когда коротыш открыл загон, то нахмурился. Одна овечка лежала с перегрызенным горлом. Стурла сел подле, приподняв её безжизненную морду. Следом зашла жена с ведрами и, увидев безобразие, запричитала:

- Что же это такое?! Теперь драугры не оставят нас в покое, пока не убьют. Сначала пережуют скот, а потом и нас.

- Что делать? - шмыгая носом, рассуждал Стурла. - Ещё немного и приедет Итиро. Осталось недолго. Мы с ним обязательно что-нибудь придумаем. Знаешь же как говорят: Визидар заменяет отряд, а двое визидаров - армию. Пока же надо запира́ть овец в доме. И развесить вокруг ещё больше защиты.

Супруги молча отволокли тушу овцы подальше за сарай.

Дэгни подоила оставшихся - их молоко сегодня лилось тяжело, с усилием. Овцы мелко тряслись, тыкались влажными мордами хозяйке в руки, жались друг к дружке. Дэгни, оглядев скудный удой, огорчённо покачала головой, и, вздыхая, потащила ведра в пристройку - делать сыр.

А Стурла медленно обходил свой дом. Под свесом крыши покачивались таблички с рунами и потемневшие кельтские знаки. Вокруг ворот и у сарая стояли испещрённые трещинами оберегающие камни. Цветные амулеты, пучки перьев, обереги из кожи, высохшие птичьи головы и заговорённые заячьи лапы висели то тут, то там на нитях, проволоках и верёвках. Сплетённые меж собой, они тихо шуршали и позвякивали, стучаясь друг о друга на ветру. Но Стурла всё равно искал место, куда можно было добавить ещё хоть один знак.

К вечеру защитными рунами, магическими железными спиралями, наконечниками древних копий и заговорёнными лентами были увешаны дом, сарай и ворота. На верхних жердях забора появились раскрашенные овечьи черепа, что щерили чёрные зубы, распугивая окрестных чаек. А к самому порогу Стурла притащил устрашающую голову змеи, оскалившую деревянную пасть - когда-то она, свисая с кормы с драккара, отгоняла морских демонов. И теперь дом, ошетилившись амулетами, выглядел как воин, готовый к бою.

На ночь супруги Гутторсмен загнали оставшихся овец в дом, натаскали им соломы, а сами, поужинав, спустились в подвал, где у них давно было оборудовано уютное спальное место. Перед сном Стурла подошёл к календарю, висящему на стене, и зачеркнул ещё один день – до приезда Итиро оставалось всего четверо суток.

...Ночью драугры снова шумели во дворе. Но в дом не стучали. Это обнадежило Стурлу и Дэгни. В последующие дни они ожили и повеселели, а в ночь перед приездом Итиро не спали – пекли пироги с рыбой, как в былые времена. Словно ничего и не было. Стурла, помогая жене,

что месила тесто, раскраснелся и напевал, а Дэгни подыгрывала ему, выбивая такт ножкой. Только когда из кузницы раздался грохот падающих инструментов, коротыш шумно вскочил, испугав дремавших вокруг овец, погрозил кулачищем двери и заорал:

- Крышка вам, мертвяки проклятые. Как пить дать, крышка! Пришёл тот день!

Дэгни только смахнула муку со лба и попыталась вразумить мужа:

- Ну уж, уймись. Им то, неприкаянным, в сто раз хуже. У них всё давно кончилось, да никак не заканчивается.

...С рассветом, когда мёртвые растворились в сером тумане, Стурла вышел из дома. Он запряг в крохотную повозку двух овец - суровых, здоровенных, тех, что никогда не блеяли зря. Легко взобрался на сидение, стеганул по мохнатым бокам и колёса заскрипели по влажной колее.

Когда он проезжал через деревню, из окон и дверей только начали показываться сонные лица. Увидев его шлем, люди махали:

- Стурла, старина! Блестящая голова катит! Куда так рано, пока холод травы ещё режет ноги?

Стурла с каждым раскланивался, важно приподнимал шлем, открывая лысину, сияющую, точно полированная кость, и отвечал:

- Гость к нам едет. Важный. Я в город - встречать пароход.

Ему махали вслед - кто рукой, кто мокрой от утреннего молока тряпкой, кто просто взглядом. Все любили маленького Стурлу. Ростом он не вышел, зато сердце у него было большое. Блестящая голова никогда не отказывал в помощи. А его жена Дэгни делала лучший во всём фьорде Оса сыр. Говорили, она добавляла в молоко каплю той самой росы, что падает с рогов оленя-оборотня в полнолуние. Никто не проверял. Но сыр был такой, что от одного куса хотелось плакать и смеяться одновременно. Над каждым воротами в деревне висели выкованные Стурлой защитные руны. Может быть поэтому, жителей фьорда считали везучими? Всё то у них получалось. И хлеб у хозяек выходил пышным, и рыба сама лезла в сети их мужьям, будто торопилась на стол.

А всё потому, что Стурла в своей кузнице, где стены дышали жаром и сажей, ковал не просто железо - он ковал надёжность. Подковы не ломались, крючки держали даже самую скользкую душу, ухваты не выпускали горшок, будто влюблённые пальцы. Для Стурлы не было мелочей. И каждый предмет, вышедший из-под его молота, нёс в себе тихую, почти незаметную магию - ту, что не кричит, но делает жизнь окружающих чуточку легче.

Блестящая же Голова ехал навстречу Итиро.

Когда он выехал из деревни и свернул в лесок, то сама собой полилась старая песня про морского духа и девушку, что забыла где её дом. Нога Стурлы весело болталась над краем повозки, овцы фыркали паром, а в низком небе над ним медленно плыли облака, похожие на лица давно пропавших предков-визидагов - они смотрели вниз и молчали.

Когда через пару часов Стурла появился на пристани, то у него оставалась ещё уйма времени до прихода парохота. Коротыш привязал овец на маленькой рыночной площади, пошатался между рыбными рядами и даже успел выпить кружечку ядрёного эля настоящего на болотной клюкве в местном пабе.

...Итиро он узнал сразу - высокий темноволосый юноша с умным цепким взглядом кошачьих глаз. А парень ещё с парохота увидал Стурлу - на пристани из встречающих только один круглый мужичок с клокастойседой бородой и странным шлемом на голове, был хоть и самым мелким, но очень юрким. С палубы Итиро видел, как Стурла бойко протискивался среди разнокалиберных ног в жуткой толчее, и когда спустили трап, оказался в первых рядах. И потом на старом изношенном шлеме коротышки, прямо надо лбом под смешной металлической шишечкой была выбита знакомая Итиро печать: колесо с лучами, ведущими к десяти треугольникам.

Стурла и Итиро обнялись, как старые друзья, и двинулись к повозке.

Всю обратную дорогу коротыш рассказывал гостю о жизни во фьорде. Стурла расстегнул тугой ворот, почёсывая натёртую шею – ради гостя он с утра пораньше подравнивал бороду и выбрился, и сейчас шея нещадно кололась. Но, косясь на вымытого до скрипа Итиро, как будто тот не с парохода: в белой рубаше, широких шароварах, подпоясанных синим поясом, за который был заткнут чудной меч, Стурла думал, что такой гость, как живой визидарец, стоит любых неудобств.

А Итиро крутил головой – никогда он не видел столь красивого места: высокие, почти отвесные, поросшие зеленью скалы, падающие в чистые воды фьорда. На вершинах гор и в ложбинах ущелий всё ещё лежал кристально белый снег. И это тоже удивляло: здесь, в Норвегии, тепло и холод везде жили по соседству.

Итиро вдыхал солёный ветер фьорда, овцы неспешно тянули повозку, копыта стучали по камням, и Стурла, размахивая руками, рассказывал о драуграх – мертвецах, что выходят из курганов по ночам.

Итиро, прищурившись на солнце, спросил:

- Если эти яйца ящеров так манят драугров, почему вы просто не закопали их обратно? Вернули бы земле то, что ей принадлежит.

Стурла замолчал. Повозка скрипнула, овца фыркнула, будто сама вспомнила что-то недоброе. Кузнец снял шлем, провёл ладонью по вспотевшей лысине.

- Раньше драугры... ну, терпели нас, - сказал он тихо. - Бродили себе по курганам, пугали овец, иногда утаскивали заблудшего пьяницу. Мы платили дань: молоко в череп на перекрестке, кусок сыра Дэгни у старого камня. И жили. А теперь...

Он вдруг осёкся, натянул вожжи. Повозка остановилась посреди дороги, где с обеих сторон стояли чёрные ели, а далеко внизу, плескалось холодное море. Стурла огляделся – медленно, будто ожидал, что из-за ближайшего валуна выглянет кто-то с гниющим лицом. Потом придвинулся к Итиро так близко, что тот почувствовал запах угля от его одежды.

- Теперь всё изменилось, - прошептал Стурла, - те каменные яйца как-то связаны с толом моего визидарского рода. Отец говорил, что без них тол не найти. Но важно ещё и то, что драугры – это ещё цветочки, Итиро. Цветочки, что цветут на могилах. А ягодки... ягодки будут позже. Я думаю, что как только визидары стали собираться вместе, так и чёрные силы активизировались.

Итиро поднял бровь.

- Малумы? Ты их встречал?

Стурла посуровел.

- Нет, но чую, что эта встреча не за горами.

Коротыш щелкнул кнутом и легонько стегнул овец, те сразу застучали копытами быстрее.

- Драугров мы, конечно, опасаемся, - продолжил уже спокойно Стурла. - Но гораздо страшнее малумы. Мой отец говорил, что малумы не появляются там, где бродят драугры. Драугры пахнут смертью. Так что, терпя одних, мы спасаемся от других. И потом, сейчас темнеет лишь на час-два, ведь у нас наступает полярный день, когда солнце не заходит за горизонт. И скоро драугры нам совсем не будут страшны. Но надо что-то решить до осени – осенью придёт полярная ночь и тогда будет постоянная кромешная темнота, в которой драугры шныряют. А вот малумы да, малумы – это жуть.

- Я читал о малумах в дневнике бабушки. Неужели они так страшны? И что это за твари такие?

- Они вырезали почти весь наш народ. Малумы – злобные духи: рыщут по земле, носятся в воздухе, отслеживают нас повсюду. Визидарская кровь для них – как мёд. Выпивают её в одно мгновение, и остаётся лишь кучка серого пепла. Мне рассказывал отец, а ему – его отец: много поколений назад, в Визидарии, в долине Сиреневых ветров, случилась Великая битва.

В тот день малумы разом ворвались почти в каждый дом ремесленников - Мастеров, созидателей. Лучших из визидаров. Никто так и не понял, как малумам это удалось. Не было семьи визидаров, которой бы они не коснулись смертью. А самое страшное в них - их невидимость. Пока не напьются крови, они - просто тени, пустота, дуновение. Лишь когда визидар умирает и рассыпается в прах, на несколько мгновений их можно разглядеть. Но в старых преданиях сказано: если соберутся вместе десять сильнейших родов ремесленников, каждый из нас станет вдесятеро могущественнее. Тогда мы вернёмся на родную землю и выжжем эту нечисть из мира дотла.

- Может, это малумы убили мою бабушку? – размышлял Итиро.

- Скорее всего. Но тогда это были слабые, возможно, истощённые малумы, которые смогли её только покусать, - предположил Стурла, почесав бороду.

- Расскажи мне, что ты знаешь о Медикате, - попросил Итиро, - я несколько раз встречал это название в дневниках Минами.

- Я знаю только, что это – главный город Визидарии, а где он есть, непонятно. Где находится долина Сиреневых ветров? – Стурла тряхнул плечами. - Никто не знает. Живут ли ещё на земле визидары? Или их уже и след простыл, и мы с тобой, братец, последние? До нас дошли лишь рассказы предков, больше похожие на легенды.

- Точно, - кивнул Итиро. - Я тоже в детстве думал, что всё это - сказки бабушки. Мол, мы родня ёкай, полулюди из старых преданий, которых втихую травят в деревнях. Я это не сказки. Это мы.

- Моя мать стыдилась до дрожи, что отец - визидарской крови. С малых лет вбивала мне в голову: молчи, прячь, не показывай! Боялась, что соседи заметят, как я иногда вижу то, чего не видят другие, - и тогда на вилы поднимут или камнями забьют до смерти. Или в зверинец заберут - на потеху зрителям. Люди ведь издревле нас уродами кличут, демонами в человеческой шкуре. Дед рассказывал правду: в Визидарии люди красивые, точно с резных картин. Но у каждого своя метка от крови иных. У визидарцев не просто дар видеть мир духов, который среди обычных людей достаётся единицам, да и тех сразу объявляют юродивыми или больными. Нет, у визидарцев всегда что-то внешнее, заметное. У тебя вот пальцы - длинные, тонкие, будто у вельможного сына. У меня рост и уши - явно гномья порода. А глаза... они у всех нас смотрят чуть дальше, чем положено.

Стурла помолчал, поцокал овцам, те для приличия поводили ушами, но скорости не прибавили. Так и семенили уныло, в такт. А коротыш продолжил:

- Визидарская кровь - она сильная, упрямая. Не растворяется в людской, как масло в воде. Всегда вырывается наружу, целиком передаётся хоть одному из детей. И почти никто не считал это даром. Чаще - проклятием. Потому что с этой кровью приходят и видения, и кошмары, и ненависть тех, кто ничего не видит...

Пока они переговаривались, повозка, наконец, выбралась из леса на гребень сопки и остановилась у фермы Гутторсменов. Отсюда фьорд открывался во всей своей пронзительной северной красе - чёрная вода, сизые скалы, высокое небо, прошиваемое белыми чайками. А воздуха здесь было столько, что казалось - ныряешь в него с головой, как в ледяную живую воду. Он обтекает лицо, заполняет лёгкие до краёв, холодит горло, и каждый вдох отзывается лёгким волнующим звоном в груди.

...Домишки хозяйства Стурлы казались игрушечными: небольшие, аккуратные, выкрашенные в яркий бордовый цвет, с белоснежными ставнями. Во дворе стоял непрерывный шорох и позвякивание - это раскачивались на ветру защитные обереги, густо навешанные по заборам и крышам. Чего тут только не увидишь! Итиро разглядывал всё это с тихим, почти детским изумлением.

Но больше всего его удивил большой морской колокол у калитки - тяжёлый, покрытый рисунком древних спиралей и чешуи. Вместо языка из него свисал металлический остов рыбы,

аккуратно спаянный из тонких костей и пластин. Стурла, усмехнувшись, пояснил, что это их «гостевой зов». Итиро ухватил скелет за хвост, потряхнул от души - и над фьордом разнёсся глубокий, бархатный «дин-дон... дин-дон...»

На крыльцо выскочила Дэгни - чуть выше мужа, круглолицая, румяная, словно булочка, с широкой улыбкой и ямочками на щеках. На голову, по случаю гостя, она надела плоскую шапочку с ушками, подходившую её шерстяной юбке. Дэгни, раскланиваясь, пригласила пришедших внутрь. Итиро, пригнувшись в низком дверном проёме, всё равно задел макушкой притолоку.

Внутри дом оказался неожиданно светлым и, для Гутторсменов, видимо, вполне просторным. Простая деревянная утварь, широкая печь с начищенными котелками, кружевные салфетки на полках, под ногами - пёстрые вязанные половички. Всё здесь было маленьким: крохотные тарелки, короткие ложки, ведёрки...

- Уютно тут у вас, - кивнул Итиро, оглядывая белые стены, плотно увешанные оружием.

Здесь были боевые топоры, секиры, мечи, ножи, стилеты, копья, гарпуны различных форм и конструкций.

- Половина всего этого досталась мне по наследству, а остальное я выковал сам, - важно объяснил Стурла, указывая на оружие, - нам, визидарам, надо уметь себя защищать.

Стурла ещё раз с уважением глянул на меч, что Итиро прятал за накидку, но тот при случае всё равно изредка показывала свету один бок.

- Ну, будет, ещё наболтаетесь, - крикнула из-за печи Дэгни, - как там говорят визидарцы? Хорошо не то, чем можешь похвалиться, а то, чем можешь поделиться. Идите есть.

Еду Итиро пришлось накладывать на большое блюдо для мяса - оно ему заменило обычную тарелку, а чай для него налили в супницу. Сел Итиро прямо на полу, но ему это было привычно с детства.

После того как Дэгни досыта накормила их пирогами, в которых слоя жирной сёмги было вдвое больше, чем сочного теста, Стурла гордо повёл Итиро осматривать хозяйство.

Первым делом коротыш отворил тяжёлую, пропахшую сыростью, дверь сарая. Внутри, в полумраке, лежали каменные яйца - ровными, почти торжественными рядами, словно подношения в храме. Гладкие, холодные на ощупь, с едва заметным внутренним свечением, которое то появлялось, то гасло, точно дыхание спящего существа.

Стурла снял с шеи большой жёлтый клык, и вложил его Итиро в ладонь. Как только зуб приблизился к ближайшему яйцу, то словно ожил: наливаясь свинцовой тяжестью, начал клонить руку вниз, будто изнутри его тянуло невидимое. Итиро почувствовал, как по запястью пробежала дрожь. И сам вздрогнул - ничего себе, дела!

Потом визидарцы отправились в кузницу: избушку с низким прокопчённым потолком и аккуратным большим горном - гордостью Стурлы. Затем заглянули в овчарню, овцы уставились на Итиро из темноты, заблеяли, заволновались, перебирая копытами, сбились в кучу.

Закончили обход в сыроварне, где воздух был густой и сытный от запаха молока, исходящего от деревянных выскобленных столов, от пирамидок творога в огромных мисках, от толстых кругляшей деревенского сыра, что созревал, аккуратно укрытый хозяйкой холщевыми полотенцами

Когда они вернулись в дом, Итиро, всё ещё ощущая фантомную тяжесть клыка в руке, спросил:

- Стурла, а где ваши дети?

Дэгни, не отрываясь от печи, где медленно мешала в котле похлёбку, ответила первой:

- Слава богам, уехали в город. - Она помолчала, потом добавила почти шёпотом, - Может, там, среди людей, малумам и прочей нечести их будет труднее найти?

Она подняла глаза на мужа - взгляд её был коротким, острым, полным той особенной супружеской мольбы, которая не нуждается в словах. Стурла кивнул:

- Мы защитим их, Дэгни, - сказал он. В его голосе не было героизма, только усталое упрямство.

Итиро всё больше нравился Стурла. Он, словно коренной клык, кряжистый, будто накрепко вросший в землю. Основательный и надёжный - поди, вырви! Не дастся просто. От этого с ним было бестревожно, как под защитой. Чем-то Стурла напоминал деда, по которому тосковало сердце. Такой же неразговорчивый, грубоватый, как Таисукэ, но в глубине глаз - та же доброта.

А коротыш устроился у очага. Поставил на колени бочонок, наколол оттуда на вилку сразу с десяток шляпок солёных груздей и кивком предложил присоединиться Итиро. Сытый парень отказался. Но оторвать взгляда от того, как поглощает грибы Стурла, не мог. Тот, точно довольный кот, зажмуривался, широко раскрывал рот и грузди, разбрызгиваясь соком, с аппетитным хрустом проваливались внутрь.

- Ты, Стурла, настоящий гедонист, - улыбнулся Итиро.

- Не знаю, что это такое, - вытер рукавом губы коротыш, - но если это похоже на человека, что просто наслаждается каждой секундой жизни и не переживает по пустякам, то пожалуй.

Стурла снял с огня котелок и, разлив по чашкам питье, предложил отхлебнуть Итиро. От ароматного чая тот не отказался. Шумно втянул багульникового отвара - запах был резкий, лесной, от него закружилась голова и тут же вспотели брови. Как-то сам собой развязался язык и из Итиро высыпались вопросы, какие, казалось он не решился бы не задать никому и никогда, оставив собственной загадкой:

- Скажи, Стурла, а почему мы, визидамы, видим потусторонних, чаще, чем люди?

Стурла понимающе захмыкал, закачал головой:

- Да, - протянул он, - все мы этим мучились. Каждый в своё время. Как блохастая собака во сне. Дёргает внутри - отчего да как? И кусают, кусают мысли, грызут темя...

Он замолчал.

- В чём-то мы слабее людей, - тихо проговорил коротыш, глядя в огонь, где пощелкивали, мигая, угли. - Мы слишком близко к тонкому миру. Видим то, что для них лишь поверья. Чувствуем дыхание духов из их мира там, где люди слышат только ветер. Силу черпаем оттуда же, но и зло первым делом находит нас. Мы - не в мире духов, но и не в доме людей. Вечно в виндфанге. Так здесь называют предбанник, что ловит сквозняк и холод. Знаешь старую поговорку викингов? «Маргюг показывается лишь моряку». Только тому, кто ступил в море, открывается то, что живёт в его глубине.

- А кто такой маргюг? - спросил Итиро, обхватив чашку ладонями.

Стурла плеснул ему ещё душистого чая. У Итиро снова закружилась голова и запылали уши. Зато разум словно залило и успокоило.

- Маргюг - вредный морской дух с рыбьим хвостом и лицом, в которое лучше не смотреть долго, - слышал Итиро, словно сквозь сон. - Иногда маргюг предупреждает о буре... иногда сам и есть буря. Появляется перед штормом - огромный, уродливый. Только тот, кто уже в море, его и увидит. А кто на берегу - тот слеп. Лишь изредка может услышать, как маргюг воет...

Они говорили долго, слова текли неспешно, как смола по коре, пока старые часы на стене не пробили полночь. Итиро зевнул, потянулся - и вдруг заметил, что за окном всё ещё светло, будто небесный фитиль притушили лишь на каплю.

- Так будет до трёх, - махнул рукой Стурла. - Да и после не жди темноты. Ложись.

Супруги уговаривали Итиро спуститься в подвал - там, мол, тише, стены толще, духи реже беспокоят. Но парень отказался. Остался наверху, у печи, завернувшись в овчину, пахнущую дымом и старой шерстью.

Когда кукушка дважды прохрипела «ку-ку» и резко замолчала, словно подавилась собственной вестью, дом окружили драугры. Сначала - стук в дверь, тяжёлый, будто бревном. Потом - по стенам, по ставням, по стеклу - костяшками, ногтями.

Итиро, услышав стуки, каждый раз вскакивал. Подбегал к тому месту, откуда доносился шум, и стучал в ответ - резко, три раза, сильно, как будто отвечал на вызов.

Внизу проснулась Дэгни. Растолкала мужа.

- Опять они...

Стурла приподнялся на локте, прислушался к перестуку наверху - к тому, как Итиро отвечает мертвецам их же монетой. Улыбнулся в бороду.

- Пусть балуется, - буркнул коротыш, перевернулся на другой бок и снова захрапел, почмокав губами, будто ничего не случилось.

Драугры, видимо, растерялись. Такой ответ их сбивал с толку - не крик, не молитва, не бегство, а просто эхо, упрямое и чужое. Постепенно стуки стали реже, тише, пока не растворились в тумане. С первыми звонкими петухами мертвецы рассыпались и ушли обратно в землю.

А Итиро, растянувшись на полу кухни, заняв собой почти всё пространство между столом и печью, заснул сладко, глубоко.

Ему снился дед, играющий с четырьмя супитцу, что остались где-то за далёкой океанической водой. Овчина, которой Итиро прикрылся, чуть приподнималась от его спокойного дыхания, а в углу подоконника, где он стучал в последний раз, у самого скола в уголке стекла, ещё долго дрожала растревоженная тонкая паутинка.

С утра Дэгни накормила их завтраком, и ушла к овцам. Стурла с Итиро вышли на задворки, сели на камни под шумное дерево и стали держать совет.

- Что будем делать дальше? - спросил коротыш.

- Надо вспомнить предков. Так учил мой дед. Мы же с тобой не просто визидары, а мастера. Ремесленники. И должны творить. В созидании родится то, что называют ауксилами. Я думаю, Стурла, - тут Итиро сделал паузу, - что яйца ящеров надо попробовать нагреть.

Стурла засмеялся:

- Итиро, неужели ты думаешь, что я этого не делал?! Я таскал их на ледник и замораживал. Клал их в воду. Бил по ним молотом, кидал в раскалённую печь горна. А они там только трещали, словно чертовы ступни в аду, но ничего с ними не происходило.

- Стурла, у меня уже есть тол. Ты же знаешь, что это инструмент мастера для созидания. Для перехода одной энергии в другую - так я читал в записях бабушки. Мой тол - это Огненная палочка. И она может зажечь всё, что захочешь. Давай попробуем ею.

Стурла недоверчиво косился на парня, пока тот доставал палочку из сумки.

Он внимательно оглядел то, что Итиро назвал Огненной палочкой - запёкшийся причудливый вытянутый кусок неизвестного сплава - тёплый, шероховатый. Что-то в нём было особенное. Какая-то невидимая сила. Как в клыке. Но только другая. Словно луну, солнце и небо со звёздами сложили, спрессовали, спекли да и положили Стурле на ладонь. Спина коротышки вспотела.

- Пошли в сарай, - коротко бросил он и засеменил туда первым.

Там Итиро подошёл к ближайшему каменному яйцу, прикоснулся к нему Огненной палочкой и с волнением уточнил:

- Только, Стурла, я никогда ещё не пробовал... я понимаю, как это ответственно....такой инструмент... даже не знаю...

- Давай уже, - рявкнул коротыш, глаза его не отрывались от палочки, - как там у тебя эта хрень заводится?!

- Адолебит! - звонко крикнул Итиро. Словно прыгнул в воду и зажмурился.

Яйцо содрогнулось, наливаясь багровым. Скорлупа противно затрещала - как будто каблуком давили кости. Из щелей пополз едкий дым, воняющий палёным мясом. С влажным, рвотным звуком, осколки разлетелись, и наружу вывалился громадный ящер - сырой, блестящий.

Он медленно повернул тяжёлую голову, уставился на визидаров мутными глазами и, не издав ни звука, пополз к выходу, лениво волоча за собой длинный, покрытый шипами хвост, оставлявший на песке тёмный след.

- Не, ну такого здесь ещё не видали, - присвистнул Стурла.

- А нам-то что теперь делать? - хрипло выдавил Итиро, не отрывая взгляда от удаляющейся твари.

- Наверное, расколдуй их все, - почесал бороду Стурла, указав на оставшиеся яйца.

Итиро переходил от одного каменного кругляша к другому, касался каждого Огненной палочкой, произносил заклинание, скорлупа тут же начинала рассыпаться, и являла миру очередного ящера. Они выбирались, отряхивались, как новорождённые псы, разбрызгивая из пастей пенящиеся слюны, и, покачиваясь, тянулись к выходу.

Из окна дома за живой цепочкой ящеров заворожённо наблюдала Дэгни. Побелевшие её пальцы вцепились в подоконник, а губы беззвучно шептали молитву.

Когда последнее яйцо развалилось на мокрые осколки, Стурла молча кивнул Итиро - мол, пошли. Они вышли следом за ящером. Тот, тяжело переставляя лапы, догнал своих собратьев и влился в общую вереницу. Визидары двинулись за ними.

Ящеры шли не разбирая дороги, но шли уверенно, будто кто-то давно вложил им в головы маршрут. Они спускались по крутому склону, цепляясь когтями за мох и осыпь, потом снова карабкались вверх, петляли между валунов и кривых сосен.

Дорога казалась бесконечной; но постепенно воздух потяжелел, наполнился запахом мокрого камня и гниющих водорослей - чувствовалось, что где-то близко болото. Наконец, склон стал пологим, и перед ними открылся тупик фьорда - узкая неподвижная заводь, зажатая между угрюмыми скалами, отражавшая низкое небо цвета старой ржавчины.

Ящеры, не останавливаясь, один за другим сходили в воду. Лапы их, с тяжёлым всплеском, погружались в холодную муть, хвосты оставляли за собой тёмные дорожки. Они шли по броду, не сворачивая, прямо к узкой расщелине, чернеющей за выступом скалы.

- Кажется, раньше её здесь не было, - Стурла, прищурившись, вглядывался в тёмный провал. - Хотя... я бываю здесь редко. Место гиблое. Все обходят его стороной. Здесь в воде обитают нёкки.

- Кто? - переспросил Итиро.

- Нёкки - демоны воды. Те, что не просто утаскивают, топят и сжирают, а сначала мучают, пока жертва не начнёт молить о смерти. Тут и есть их логово.

- Но можно не лезть в воду, - мотнул головой парень. - Мы спокойно доберёмся до пещеры по камням, - Итиро указал на булыжники, что торчали из воды образуя до расщелины довольно удобный путь.

- В северной воде нельзя верить камням. Смотри, - тихо сказал Стурла и шагнул к самой кромке, где заводь лизала песчаный берег.

Он осторожно опустил ногу в ледяную воду - и от неё тут же пошли медленные маслянистые круги. Как только они коснулись ближайшего серого булыжника, тот дрогнул, с противным чавканьем перевернулся и оказался склизким, покрытым бородавками, боком старухи. Морщинистая кожа на её лице цвета мокрого пепла, глаза - два мутных желтка, утонувшие в складках. Она оскалила набитый острыми зубами рот, выдыхая запах скисшей рыбы.

Остальные «камни» тоже ожили. Те, что казались гладкими, округлыми голышами, медленно поворачивались, обнажая прелестные девичьи лица - мертвенно-бледные, с печальными гипнотизирующими глазами цвета морской глубины. Но стоило воде сойти с подбородка, как красота рушилась: они щерились, губы раздвигались в злобной ухмылке, обнажая ряды мелких, как иглы, зубов, а изо рта вырывался низкий, булькающий рык.

Одна из тварей - та, что незаметно подплыла ближе всех, - рванулась вверх. Из воды выметнулись длинные, костлявые руки с перепончатыми пальцами, увенчанные когтями, чёр-

ными и кривыми, как старые шипы. Стурла в последний миг отскочил; когти с влажным свистом чиркнули по воздуху и разорвали край его плаща. Нёкке зашипела - звук был похож на то, как если бы кто-то выдавливал воздух из вспоротого горла, - и снова ушла под воду, оставив на поверхности только макушку: гладкую, обманчиво круглую, точно обычный камешек, обточенный веками.

Вода сомкнулась над ней без единой ряби. Только лёгкий запах гнилья ещё висел в воздухе, смешиваясь с солью и холодом. Итиро стоял неподвижно, глядя на спокойную поверхность заводи.

- Они ждут, пока подойдёшь сам, - продолжил Стурла, отряхиваясь. - Не верь гладкому. Не верь красивому. Здесь всё красивое - это смерть.

- Чего эти нёкки боятся? - спросил Итиро.

- Они боятся только огня, - хрипло ответил Стурла, не отрывая глаз от воды, где под поверхностью всё ещё шевелились тени. - Но попробуй помахать перед ними горячей веткой - одна кинется, собьёт пламя, а остальные в тот же миг набросятся на тебя, как стая голодных угрей. Они хитрые, эти твари. И не просто топят - жрут плоть по кусочкам, а заедают криками жертвы. Они хотят, чтобы ты успел проклясть свою жизнь, прежде чем утонуть.

Итиро молча сунул руку в карман плаща и вытащил тонкую Огненную палочку - Он направил её на воду и тихо, почти шёпотом произнёс:

- Адолебит.

Заклинание упало, как капля раскалённого масла на сковороду. По воде от его ног мгновенно пролегла узкая шипящая огненная тропа. Пламя не гасло, не тонуло; оно стояло над водой стеной высотой в локоть, отбрасывая яркие блики на скалы. Нёкке взвыли, словно захлебнулись кипятком. Они выныривали, подпрыгивали, точно рыбы на крючке, тянули к визидарам длинные руки, но пламя с треском и вонью горелой плоти обжигало их кожу.

Самые отчаянные нёкке всё же бросались вперёд, сквозь огонь, - и Стурле пришлось выхватить боевой топорик. Он рубанул коротко, без замаха: лезвие чиркнуло по мокрой шее одной из тварей, отсекая с влажным хлопаньем голову. Она покатилась по воде, оставляя за собой чёрный след, а тело ещё дёргалось, цепляясь когтями за воздух. Остальные на минуту отступили. Этого хватило, чтобы визидары добрались по послушному огню до входа в пещеру. Когда пламя начало угасать у кромки скалы, Стурла поднял руку, останавливая Итиро, и кивнул вверх.

Над низким сводом пещеры, вырезанный на чёрном граните, скалился четырёхглазый пёс. Два верхних глаза горели тусклым красным, два нижних - мертвенно-зелёным. Зверь, выбитый на скале, будто дышал. Пасть его была разинута так широко и злобно, что казалось, она хочет заглотить весь фьорд, а то и всю Землю.

- Это Гарм, - предупредил Стурла. - Страж прохода на тот свет. И врата эти открываются лишь перед мёртвыми. Поэтому сюда и шли ящеры. Перед ними они и открылись. Они уже давно этот свет покинули, их души - пустые оболочки. А мы... мы ещё дышим. Нам надо быть осторожнее.

Итиро несколько мгновений смотрел на Гарма, который, кажется, хотел прожечь его взглядом, потом, решившись, повернулся и схватил Стурлу за рукав.

- Пойдём. Там придумаем, что делать дальше.

Визидары вошли в тёмный коридор, где свет едва сочился сзади - только дрожащие отблески от остывающей огненной тропы на воде.

Стены здесь были живыми: из трещин в камне сочилась густая как смола, кровь. Она медленно, стекала собираясь в двух ложбинах. Ящеры опускали в кровь морды и жадно пили её. Напившись, они проходили сквозь стены и пропадали без следа.

- Это кровь мёртвых, - прошипел Стурла, хватая Итиро за плечо и оттаскивая от стены подальше. - Не вздумай коснуться её открытой кожей. Даже капля - и ты умрёшь быстрее, чем успеешь вдохнуть. Стены впитают твою жизнь, а тело за миг высохнет.

Товарищи двинулись дальше, ступая только по центру коридора, куда кровь не добиралась. Они шли боком, прижимаясь друг к другу, стараясь не задеть стены.

Воздух стал осязаемым, смрадным. Наконец коридор расширился, открыв пещеру - чёрную, зловещую, как внутренность могилы.

Итиро поднял Огненную палочку. Тонкий красный луч пробежал по потолку, высветил сталактиты, свисающие, как окаменевшие внутренности утробы, и упал на алтарный камень в центре. На нём лежала старуха. Черты лица заострённые, угольные. Одета она была в полуразложившиеся лохмотья, сквозь которые проглядывало тело - сплошные кости под тонкой, пергаментной кожей, натянутой так туго, что проступали каждый позвонок и каждое ребро. Старуха дышала глубоко, медленно, с хрипом, от которого дрожал воздух. Глаза закрыты, веки в жутких прожилках.

Стурла побледнел, на висках проступили крупные капли пота.

- Это Чёрная Песта, - объяснил он, едва шевеля губами. - Чума во плоти. Человеческая погибель. Она много спит... годами, десятилетиями. Но когда просыпается и выходит наружу - начинается мор. Песта не разбирает: старики, младенцы, воины, девы - всех пожирает не глядя. Лишь бы насытиться. В последний раз она выходила отсюда несколько лет назад. Люди до сих пор шепчутся об этом, как о конце света. Деревни пустели за ночь, утром матери находили детей в колыбелях уже чёрными...

Старуха вдруг шевельнулась во сне, повернулась на другой бок. На тонком запястье блеснул браслет - старый, стёртый от времени серебряный обруч. На нём висели три крохотных подвески: миниатюрный шлем с рогами, крошечный боевой топорик с зазубренным лезвием и изящный колокольчик, звякнувший, когда она пошевелилась.

Стурла замер. Глаза его расширились.

- Это же браслет моего рода... - выдохнул он шёпотом, в котором смешались ужас и благоговение. - Он пропал несколько веков назад. От предков-ремесленников нам достались эти знаки: шлем, топорик, колокольчик... Как браслет оказался здесь? На ней?

Итиро молча смотрел на спящую Чёрную Песту. Огонь палочки дрожал в его руке, отбрасывая длинные тени.

- Значит, этот браслет - мой тол! - понял Стурла. - Но как его снять с неё, не потревожив? Любой живой, кто коснётся Песты, хоть дыханием, разбудит её. И начнётся новый мор.

Где-то в глубине пещеры послышался низкий, влажный вздох - будто сама Чёрная Песта во сне принюхивалась к живым запахам, что вторглись в её логово.

- Пойдём отсюда, - резко потянул Итиро Стурлу за рукав. - Надо всё обдумать. Здесь нельзя оставаться. Она... она может почувствовать.

Стурла кивнул, не в силах отвести взгляд от спящей старухи. Друзья попятились к выходу, стараясь ступать бесшумно, как мыши в кошачьем логове.

У выхода Итиро поднял огненную палочку повыше, взмахнул ею - и снова по воде легла узкая огненная тропа. Нёкке опять взвыли яростью: выныривали из тёмной глади, подпрыгивали, тянули когтистые руки, но пламя жгло их кожу. Твари шипели, плевались чёрной слюной, но не могли пересечь огненную грань. Визидары шли быстро, не оглядываясь, пока не выбрались на берег. Огонь с последним всплеском за их спинами, угас.

Они отошли подальше и, тяжело дыша, сели на холодные камни. Долго молчали, глядя, как фьорд медленно темнеет под низким небом. Ветер нёс запахи с моря, а в голове у обоих крутился один и тот же образ: чёрное лицо Песты, желанный браслет на её костлявой руке и тихий, предательский звон колокольчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.